

Денис Чачхалиа

Поэзия отражений

ПОЭЗИЯ ОТРАЖЕНИЙ

Переводы
из абхазской,
русской,
грузинской,
немецкой
и литовской поэзий

АКВА-Абаза
Москва
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.20)64-5
Ч28

Чачхалиа Д. К.

Ч28 Поэзия отражений. Переводы. – М.: АКБА-Абаза, 2019. – 304 с.

Денис Чачхалиа – профессиональный поэт-переводчик. В 1973 году он закончил отделение художественного перевода Литературного института им. Горького в Москве на семинаре Льва Озерова. Одновременно брал уроки мастерства у Фазиля Искандера и эпизодично – у Анаиды Беставашвили. В настоящую книгу вошли переводы из абхазских, русских, грузинских, немецких и литовских поэтов на абхазский и русский языки. В случае с литовскими современниками Д. Чачхалиа пользовался подстрочниками. Остальные стихи переведены с оригинала. Среди авторов – классики национальных литератур.

ISBN 978-5-6043012-0-3

© Чачхалиа Д. Поэзия отражений. Переводы. М., 2019.
© Искандер Ф. О переводах Дениса Чачхалиа.
© Соложенкина С. Переводческий мир Дениса Чачхалиа
© Д. Воуба. Портрет Д. Чачхалиа. М., 2010.

Фазиль Искандер

О ПЕРЕВОДАХ ДЕНИСА ЧАЧХАЛИА

Лучшим переводам Дениса Чачхалиа присуща точность, хотя и достаточно гибкая, но всегда близкая оригиналу и тактичность в использовании языковых средств, когда оригинал не напрашивается в усыновлении на новый язык, а достойно представляет свою сущность, не стараясь компенсировать неизбежные потери за счет сомнительных завоеваний чужеродных языковых богатств.

По-настоящему хороши переводы стихотворения Шинкуба «Не спрашивай», Киршала Чачхалиа «Опять, опять прикован я к постели», оба варианта «Мерани», пожалуй, Отара Чиладзе «Из старой тетради» и, может быть, лучший перевод стихотворения «Шандал» Виктора Габескирия.

Переведенное стихотворение, ставшее абсолютно неотличимым от хорошего стихотворения написанного на этом языке, тем самым перестает быть переводным, от оригинала остается только сюжетный толчок, усохшее семя замысла. Таковы, например, стихи Лермонтова «Горные вершины» или «Воздушный корабль».

Я полагаю, что языку переводных произведений должна быть присуща некоторая скромность в использовании чересчур окрашенных национальным колоритом слов и оборотов речи. В этом отношении истинным чудом перевода

могут служить переводы Маршака из Бернса. Тут именно та сознательная скромность словаря при феноменальной гибкости в использовании языковых и ритмических средств. Этому надо учиться и учиться всем переводчикам, в том числе и молодому Денису Чачхалиа. В некоторых переводах именно этой гибкости ему не хватает.

Хочу сказать несколько слов о статьях молодого поэта.

Обе статьи совершенно профессиональны, особенно хороша статья «От перевода к оригиналу». Это анализ переводов стихов и поэм известного абхазского писателя Иуа Когониа. Денис Чачхалиа подвергает беспощадной и в то же время совершенно справедливой критике переводы этого замечательного поэта, как образец чудовищной вульгарности, переводческой безграмотности и литературщины.

И в этом анализе он показал себя зрелым критиком, обладающим довольно утонченным литературным чутьем, помогающим разоблачить пошлость и халтуру за примелькавшимися до благообразности штампами.

*Из отзыва о дипломной работе Дениса Чачхалиа.
Москва. Литературный институт*

Светлана Соложенкина

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ МИР ДЕНИСА ЧАЧХАЛИА

Денис Чачхалиа – поэт оригинальный, самобытный... К тому же, он еще билингв – человек, свободно владеющий двумя языками. Пишет по-русски, и при этом рас-творен всецело в стихии, языковой и культурно-исторической, своей родной Абхазии. Двужычие – перекресток, на котором поэт привычно встречается с поэзией и, вообще, с искусством. Кого-то эта плодотворная «раздвоенность» может удивить. Но – почему же? Никого ведь не удивляет, например, что в природе существуют летучие рыбы! Их стихия – водная, да, но и воздушный океан – не чужд им! Они могут взмывать в небесную лазурь, они летают! Да ведь и обычные ласточки на закате норовят низко пронестись над водой, словно хотят, по слову поэта, зачерпнуть крылами хоть каплю «стихии чуждой, запредельной»! Это человек нередко бывает «обрывком своего занятия», природа же – универсальна. И поэты – билингвы – одни из ее любимцев... Она словно сама, с колыбели, предназначает их не только для создания их собственных, оригинальных стихов, но и – для переводов.

Вот об этой стороне творчества Дениса Чачхалиа стоит сказать чуть подробнее.

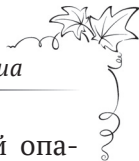

Переводы всегда были важной составляющей его творчества. Сделанное им в этой области впечатляет. Он переводил на абхазский язык из Пушкина, Тютчева, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Есенина, Сельвинского... Владея также немецким языком, – обращался к оригиналам Гейне, Гете, Шиллера и переводил, также, на абхазский... Переводы Д. Чачхалиа – в неразрывном их, живом единстве – были включены в антологию абхазской поэзии, вышедшей в Москве в 2002 году.

И было бы странно, если бы он, в стремлении познакомить абхазских читателей с сокровищами мировой поэзии, не постарался бы и российским русскоязычным читателям представить, в своих переводах на русский, наиболее интересных абхазских поэтов. Это ведь, так сказать – две стороны одной монеты...

Получилась своего рода мини-антология переводов, в которой – 15 абхазских поэтов от Дмитрия Гулиа до Микаэля Чикатуева. Пятнадцать поэтов – пятнадцать зеркал, и сам Д. Чачхалиа – еще одно, отражающее их всех, зеркало... Вот такой, протянувшийся через годы, зеркальный коридор получился! Интересно, а в чем-то и поучительно пройти по нему...

Зеркало ведь – мир таинственный и нередко коварный. Как и ремесло переводчика. Мы поднимаем правую руку – а отражение в зеркале поднимает левую. И не каждый склонен признать, что это – одно и то же... Вот, например, Геннадий Аламиа в стихотворении «Зеркала», переведенном

Д. Чачхалиа, относится к зеркалам со сновидческой опаской: ему чудятся в них «сплошные маски», вместо лиц, здесь все бессвязно, безвыходно, и крепнет ощущение, «что сквозь зеркальную разлуку вовек не дотянуть руки»...

Случайное настроение, болезненно-острое ощущение? Мистика?.. Как последнюю ни гнали из «здоровых» пределов социалистического реализма, они всегда проникала не в дверь, так... в зеркало!

Вспомните, хотя бы, «Черного человека» Сергея Есенина! Трость его, брошенная этому «черному человеку» в лицо, до сих пор летит в разбитое зеркало, и осколки – еще не убраны...

А трагически – горькое наблюдение Георгия Иванова:

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отражение, -

разве это не царапающий сердце символ вселенского разобщения?

Обращаясь к переводам, видишь: каждый поэт, отраженный в переводческом зеркале, имеет свое лицо. А вместе с тем, и лицо самого поэта -переводчика, за всеми зеркальными отражениями, явственно угадывается!

Это вполне понятно, если учесть, что Д. Чачхалиа переводит лишь то, что ему духовно и душевно родственно близко.

Цельность его переводной мини-антологии, при всем многообразии составляющих, состоялась. Различия береж-

но выявлены и отражены, но главное – сходство целей и устремлений, всем поэтам здесь явно – по пути.

Разве не все любят, выстраданной любовью, свою Апсны? Любой из них мог бы сказать, вслед, допустим, за Омаром Бейгуа, обращаясь к ней:

Я – как корабль,
Где стон людской
Заполнил трюмы.

.....

Гори рубахой на плечах –
Ни на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье.

А эти гордые слова Иуа Когониа из стихотворения «Аб-хазам»:

Идите, но не так, как вереница
Слепых идет вослед поводырю.
А так, как гордые своим полетом птицы
Летят в своем незыблемом строю!

Разве это не общее их кредо, не духовное завещание предков? Несгибаемость отважного и стойкого народа – как явственно предстает она в героической балладе Баграта Шинкубы «Партизан». Звонит, как клинок, стихотворение

Мушни Микая «Абхазия», отмеченное чувством пропущенного сквозь сердца историзма:

У гор и у рек я выпытывал тайны,
У сабель, изъеденных горькой землей...

Нельзя остаться равнодушным к подобной «личной летописи», столь экспрессивно-выразительной.

Кстати, об экспрессивности. Тут – точка соприкосновения поэтов переводимых и переводчика. Я уже отмечала, говоря об оригинальных стихах Д. Чачхалиа, эту особенность его поэтического мировосприятия и темперамента: слово, образ его порой может царапнуть, как соколиный коготь, оставляя в восприятии зримую отметину. И, когда я встречаю в его переводах хотя бы вот это: «под небом, всю голубым», или: «Ни дождик не взвизгнет, ни выстрелит гром» – я знаю: за кем бы из пятнадцати поэтов эти строки ни были закреплены, но здесь – хватка Дениса Чачхалиа! Сколько бы он скромно не укрывался в тени – лучи его собственной энергии света невольно прорываются и сквозь «шапку-невидимку»... Конечно, выявить поэтическую индивидуальность каждого переводимого им автора – его главная задача, но ведь и он – все-таки не восточная красавица, прячущая под паранджой свое лицо! Зачем? Ведь и свою индивидуальность – утаить от внимательного читателя невозможно!

Тем и интересны переводы Д. Чачхалиа, что в них, помимо всего прочего, приоткрывается и его собственная по-

этическая лаборатория. Иногда он дает варианты перевода одного и того же стихотворения – словно предлагая читателям самим сравнить и оценить их, и выбрать, который им больше по душе... Он не прячет своих потайных ключей, а, напротив, кладет их на видное место. Это свидетельствует о неустанности его поисков – и о щедрости его творческой натуры... Он позволяет всем желающим трогать его находки руками. И в стихах, и в переводах Д. Чачхалиа – полный простор воображению... И у читателя не остается сомнений, что ему предлагают не «морковный кофе», а настоящую поэзию.

Москва, 2009

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ АБХАЗСКИХ ПОЭТОВ

*Дмитрий Гулиа
Омар Бейгуа
Иуа Когониа
Михаил Лакербай
Баграт Шинкуба
Киришал Чачхалиа
Анатолий Аджинджал
Николай Квициния
Мушни Микая
Мушни Ласуриа
Микаэль Чикатуев
Борис Гургулиа
Таиф Аджба
Рауль Ласуриа
Рушбей Смыр
Геннадий Аламиа
Владимир Зантариа
Вячеслав Читанаа
Виктор Кокоскир
Этери Адлейба
Леля Тванба*

Дмитрий Гулиа

* * *

Итак, моя книга, –
В далекий поход!
Будь стойкой в пути жестоком.
Не заплутай в захолустьи, вперед –
По необозначенным тропам!

Верни горемычному радость и сон,
Совет ему дай человеческий.
И все,
Чем велик, и чем он силен,
Скажи на родимом наречьи.

* * *

Мне говорили в детстве часто,
Что солнце высится над миром.
Мне все настойчиво твердили
«Недосягаема луна».
И повторяли, что земному
Не угодить капризам жизни –
«Прими величие природы,
Природе трепетно внимай!»

Поверил я,
Но день весенний
Вдруг все во мне переиначил,
И понял я, что верхогляду
Того вовеки не понять,
Что с солнцем мы – почти соседи,
Луну – рукой потрогать можно,
И что любимому мотиву
Подобна майская гроза.

РОДИНА

Свет очей, земля моя,
Ты слезами выжжена.
Вдаль глядишь, усталая,
Чем ты так обижена?

Унесло сынов твоих
За хребет и за море.
Не печалься, милая,
Дорогая самая.

Может быть, стыдишься ты –
Книгам не обучена?
Свет очей, земля моя,
Чем ты так измучена?

* * *

В море, ненадолго притихшем,
Я человека вижу.
Некий старец смотрит на меня из глубины,
Как из небытия.

Морщинами испещрена улыбка.
Немыслимо седой
Стоит он, шаткий,
Опершись на палку.

Глаза – мои.
Улыбка – тоже моя.
Но седина
И посох,
Как подпорка покошенному зданию,
Не знаю чьи...

Не знаю чьи они.

Омар Бейгуа

АПСНЫ! АПСНЫ!

И день сегодняшний прошел,
Тобой наполнен.
Ты – боль смертельная,
Какой
Я с детства болен.

Мне без тебя неумогу,
Невмочь мне думы...
Я – как корабль,
Где стон людской
Заполнил трюмы.

Я сторонюсь таких людей,
Кого тревожить –
Помимо мысли о тебе –
Иное может.

И в этом чувстве одинок,
Я мру незримо
С тоской, которая –
Увы – неразделима.

Я Прародителя молю,
Чтоб дал мне участь
Не умирать:
Пусть я живу,
Тобою мучась.

Или пускай придет конец
Сыновней жизни,
Но на земле души его,
В его отчизне.

Забуть тебя – что потерять.
Не оттого ли
Ты в каждом слове,
Что из уст
Прорвется с болью?

Нет бессердечней ничего,
Чем расставанье...
И слезы,
Что я смог сдержать,
Горчат в гортани.

Гори рубахой на плечах –
Ни на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье...

Мы, может, встретимся с тобой –
Наступит время.
Но как до этого стерпеть
Разлуки бремя!

То смерти хочется душе,
То снова – жизни,
Отягощенной
Тяготением к отчизне.

Покуда эти два огня
Сжигают душу,
Я вижу за морем вдали
Родную сушу.

ЗОВ АБРСКИЛА

Зажат тесниной –
Хоть раз вздохнуть бы!
Сдавило спину,
Стянуло губы,
Свело колени –
Не вздрогнуть даже.
Тугие стены
Цвета сажи.

И в ледящей
Горловине
Всего преслаще
Голубиный
Глоточек неба.

Эх, вздохнуть бы!
И разорвать бы
Криком
Губы,
Что запеклись!

Я крикнул.
Только
Не вышло толком.
И вопль мой ввысь

Не устремился.
Не грохнул эхом, –
В меня ж забился
Скале в утеху...

Я крикнул снова,
Но крик запнулся
И – прахом, словно
С горой столкнулся.

Неужто нету
Сквозь камень зрящих,
Сквозь стену эту
Говорящих!

Заметьте вы меня,
Услышьте!
Мне ж головы
Не вскинуть выше
Студеных стен,
Меня схвативших...
Сквозь этот плен,
Покуда дышит
Душа в груди, –
Хоть раз вздохнуть бы,
И разорвать бы
Эти путы.

Каменьев груды –
Черных, грозных.
Хоть раз вздохнуть бы,
Минутный роздых!

Иуа Когониа

* * *

Ну что ж, моя книга, лети,
Не зная ночлега в пути...
Ничто не поделать, раз птичья
Душа не смолкает в груди.

Злодею отмщением будь,
Заблудшему истиной будь,
Благословенная мною,
Да будет удачен твой путь.

Завистник не дремлет в тиши,
Ты, книга, ему расскажи,
Что злобство – не есть утешенье,
Что злобство – уродство души.

БЫЛОЕ ОТЧИЗНЫ

Громоздились над тобой смертью неминучей,
Нависали над тобой – сумрачные тучи.
И ни зги во тьме такой не видали люди:
Всюду мрака валуны, сваленные в груды.

И под грузом темноты, спин не разгибая,
Что цвета иные есть не подозревая,
Жили люди. Темь кругом. Рядом путь, и все же
В темноте они брели топким бездорожьем.

Но качнулась темнота и упала оземь.
О небес голубизне кто не ведал вовсе
Вдруг увидел над собой светлую безбрежность,
И утешной стала тут горя безутешность.

И увидел, что сквозь топь пролегают тропы:
В темноте заметить путь умудрился кто бы!
Жаркой кровью налились зябнувшие жилы,
И по тропам к большаку люди поспешили.

АБХАЗАМ

Вы, земляки, мое родное племя,
Ступайте в путь, открывшийся для вас.
Идти к высотам наступило время
Вам, кто берег свой аламыс, как глаз.

Идите, но не так, как вереница
Слепых идет вослед поводырю,
А так, как гордые своим полетом птицы
Летят в своем незыблемом строю.

АБХАЗИЯ

Снегов свеченье и в ночи не гаснет,
Как не смолкает шум на берегу
Что нет земли, Абхазии прекрасней,
Я лишь слепцу доказывать могу.

Не первый я, кто будто по-дикарски
В тебя влюблен, и не последний я –
Мой край родной, издревле край абхазский,
С тобой ничто не расторгит меня.

Морской прибой. Вдали – нагроможденье
Громад из камня, снега и лесов.
Я эту землю полюбил с рожденья
И хоть сейчас уйти в нее готов.

Утес подпер широкими плечами
Небесный свод до боли голубой.
Здесь истекает тишина молчаньем,
Пронзенная серебряной струей.

ПОДНИМАЙСЯ, БРАТ!

Поднимайся, брат,
Не видишь – горят
Восхода огни!
Поднимайся, брат,
Мы не одни.

Отчизна с надеждой
Смотрит на нас,
Лениться, как прежде,
Негоже сейчас.

Бессовестно спать.
Пора за труд.
Поднимайся, брат–
Нас ждут!

СОБРАТУ

Чего ожидаешь, брат!
Бездействием тяжким томим, –
Чему ты быть можешь не рад
Под небом всю голубым!

Твое избавление – труд,
Отчизне его посвяти:
Цветы за тобой зацветут
На всем протяжении пути.

* * *

Весь сад испортит яблоня гнилая,
Паяц шутами делает соседей,
Но ты живи, порочности не зная, –
Ведь смотрят на тебя твои же дети.

БЕСПОЛЕЗНЫЙ ГОД

Май истощался –
Июнь наступал.
Зной беспощадно
Поля пожирал.

Мы в поднебесье
Смотрели, моля,
А рядом в жару
Метались поля.

Мы ждали пощады
Суровых небес.
Меж тем увядали
Кустарник и лес.

Просили пощады
У божьих верхов,
Хотя за собой
Не знали грехов.

Ни облачка в небе,
Ни тени кругом,
Ни дождик не взвизгнет,
Ни выстрелит гром.

Июнь накалялся
Уже до бела.
Все шли на моление,
Оставив дела.

Стала несносной
Когда духота,
«Наверно, к дождю!» –
Я подумал тогда.

И вправду – на землю
Нахлынула тень.
Дождь не смолкал,
Прошибая плетень.

Хлестал по деревьям,
По дымным полям
С шипеньем, как
По раскаленным углям.

Земля превратилась
В болотную хлябь.
Осталась неподнятой
Поздняя зябь.

Дожди пронеслись.
Пахать бы уже!

Но дедушкин дядя
Мне все же нужней.

А он, сообщили
На днях, занемог.
Не навестить старика
Я не мог.

Ну, думаю, с плугом
На поле теперь,
Как тут горевестник
Протиснулся в дверь.

Участливо очень
Он мне сообщил,
Что дедушкин дядя
Навеки почил.

Потом сообщили:
«Троюродный брат
В день своей свадьбы
Будет стократ

Счастлив, коль дом его
Не обойдешь...»
Ничто не поделать –
Ведь брат он все ж!

Земля иссыхала опять
Между тем,
Как бегал по селам я
Изо дня в день.

Как быть мне, не знаю,
С амбаром пустым,
Что делать с соседом
Таким же моим?!

Для пахот и сева
Упущенный год
Да будет уроком
Мне наперед.

С новой весной
Я буду умней.
Пришла бы вот только
Она поскорей.

МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ

ДМИТРИЮ ГУЛИА

Держись, мужайся и не дрогни!
Пути попятного не знать.
Да не согнет тебя в дороге
Нечеловеческая кладь.

На том пути погибло много
Людей, чья жизнь
Светла, как свет.
Но нет пути у нас другого
И выбора другого нет.

Владычество врагов не вечно,
Погибель их невдалеке.
Свободе выйди ты навстречу
С поднятым знаменем в руке.

Абхазии закрыты очи
Тугой повязкой темноты.
Но знаю,
На исходе ночи,
Что ей глаза откроешь ты.

Смотри! Светает!
Скоро солнца
Пробьется луч...
Придет пора –
Я верю, счастливо проснется,
Мой друг, и наша Апсыра!

Один идешь сквозь мрак кромешный,
Нам путь прокладывая здесь.
Лишь ты один
Звездой надежды
Мерцаешь с призрачных небес.

ЛАСТОЧКА

- Откуда, ласточка, ко мне
Ты с щебетанием впорхнула?
- Из дома твоего вестей
Несу. Из Мархяула.

- Как братья там мои живут,
Сестрицам милым как живется?
- Здоровы все, да ждут-пождут,
Когда их брат вернется.

- Могилка матери моей
Не заросла ль, забыта всеми?
- Цветы колышутся над ней,
Свеча горит все время...

- Ты всех соседей повидай,
Односельчан моих проведай.
И мой привет им передай,
И что вернусь, поведай.

ТЮРЬМА

Как быть мне с весенним цветеньем?
Что мне за стеной красота!
Душе моей нет просветленья,
В тюрьме моей – темнота.

Меж тем мои вольные сверстники
Встречают пасхальный рассвет.
Тепло им, и лица их веселы.
А мне и надежды нет.

Сегодня и люди, и камни
Весенним согреты лучом.
Лишь я в темноте за замками
От солнца того отлучен.

Преступником сломленным
В унынье сию, как всегда,
И до чего же здесь сыро!
Какая меж стен чернота!

Коль вы, как и я, не бессмертны,
Коня приведите мне.
Недолго, слову поверьте,
Промчусь я на том скакуне.

Помчусь по родному нагорью,
Да с мамой часок засижусь.
Скажу, что вернусь я.
И вскоре
Как в омут, во мрак оступлюсь.

Как быть мне с весенним цветеньем?
Что мне за стеной красота?
Душе моей нет просветленья,
В тюрьме моей – темнота.

Баграт Шинкуба

* * *

Ты помнишь – входили мы в кущи,
И сад был пахуч, как настой.
Но он, что тогда был цветущим,
Сегодня простился с листвою.

И ты понимаешь, подруга:
С последним опавшим листом
Идет к нам с тобою разлука,
Да мы виноваты ли в том.

Прощай и прости, дорогая.
Уж ночь на исходе, прости.
Быть может, в грядущем – не знаю –
Не встретятся наши пути.

Но в час, как воротится солнце
И вспыхнут цветы на лугу,
Что наша любовь не проснется
Тебе обещать не могу.

НЕ СПРАШИВАЙ

К закату солнце повернуло круто.
Прошу тебя всего лишь об одном:
Не спрашивай меня, пришел откуда
И что мне надо под твоим окном.

Ты говоришь, что нет собак в округе,
Что, не боясь, могу идти домой.
Не спрашивай, заламывая руки,
Чего я жду под меркнувшей луной.

Сбежишь к реке, и в утреннюю пору
В кувшине взвизгнет звонкая вода.
Прошу тебя, привычная к укору,
Не спрашивай, как я забрел сюда.

Воды предложишь – выпью не помешкав.
Я б море выпил из твоей руки.
Прошу тебя, не спрашивай с усмешкой,
Что я ищу на берегу реки.

И если сердце в камень превратится
И упадет к ногам твоим без сил,
Перед тобой мне незачем стыдиться:
Не камень я за пазухой носил.

ПАРТИЗАН

У края днепровской стремнины
Лежал он в траве, недвижим.
Он ранен смертельно.
В долине
Река протекала под ним.

Она простиралась широко,
Сверкающей зыбью слепя.
Лежал он у края потока,
И боль подминал под себя.

Он тихо прощался как-будто
Со всем, что имел на земле.
И берег, надломленный круто,
К днепровской спускался волне.

Лежал он в траве... Не вчера ли
Пускал под откос поезда,
Давно ли под грохот взлетали
На воздух обломки моста?!

Прощался мучительно с жизнью.
Но даже в погибельный час
Он знал, что мужчине с отчизной
Не время прощаться сейчас.

Собрал он последние силы
И встал. И согбенный стоял.
И вид его в поте и пыли
Несносную боль означал.

Хоть сердце сыновье, быть может,
И ныне бороться не прочь, –
Он понял, что родине больше
Ничем не сумеет помочь.

В то время из выжженной дали
Сюда опаленным жнивьем
Фашисты вразброд подступали,
Чтоб взять партизана жнивьем.

Держа автоматы на спуске,
По пояс укрыты травой,
Они ему крикнули: «Русский!
Сдавайся, покуда живой!»

Он речью, врагу непонятной,
Ответствовал гордо врагу:
– Я в жизни дорогой попятной
Не шел, и сейчас не смогу...»

Затем он промолвил: «Прими же,
О, Днепр широкий, меня!»

И поднял он голову выше,
И тело назад отклоня,

Он бросил гранату, и взрывом
Врагов половину разнес,
И бросился в реку с обрыва,
Покинув суровый утес.

В подол материнский как будто,
Он в заводь неслышно упал.
И Днепр его тело окутал,
Солдату пристанище дал.

Стояли враги удивленно,
И не понимали враги
Ни мужества этого воина,
Ни мужества этой реки.

Днепровские волны вскипали,
Незванных гостей торопя,
И тело бойца охраняли,
На камни бросая себя.

И слышалось, будто потоки
Твердили сильней и сильней,
Что испокон Днепр широкий
Незванных не терпит гостей.

ПОЭТА ПЕСНЬ НЕ РАССТРЕЛЯТЬ

Неруды нет. Как мне поверить в это?
Как можно мне поверить в смерть поэта?
Стоишь перед глазами невредим,
Стоишь под небом нашим голубым.

Как мало слов друг другу мы сказали.
В Абхазии гостил ты не вчера ли! –
Эшерский кряж, пунцовый куст граната,
Дрозда однообразная рулада,
Привычный снег на гребнях наших гор.
И твой восторг. И твой искристый взор.

Тем временем, быть может, видел ты
Чилийских гор любимые черты.
Улыбки наши отражала Рица,
Озерной гладью плыли наши лица.

Отбросив мысль, как тягостный недуг,
Ты, улыбаясь, говорил мне «друг».
Мы расставались, помню, по весне.
Ты обещал, что вновь придешь ко мне.

Окутал траур родину Неруды,
Сгустился мрак над родиной Неруды –

Людские трупы, половодье крови
И трупы, трупы – виселицам вровень.

Как мне поверить лживому известью,
Что расстрелял палач Неруды песню! –
Поэта песнь не расстрелять, не сжечь,
Как истине вовек костями не лечь.
Бессильны даже ружья перед ним –
Неруда в памяти людской неистребим!

* * *

– Какой из дней отметить лучшей меткой?
Я к старости пришел с нелепым страхом...
Сухая ветвь, с сырой столкнувшись веткой,
Срывается и опадает прахом.

Лишь к старости сумел найти ответ я,
Сквозь жизнь дойдя до истины с трудом:
Одолевают ветку не соцветья –
Плоды, что перегнут ее потом.

* * *

Этот час неминуемый настанет:
Я навеки остыну. И все.
И земные терзанья оставят,
Как стервятники, тело мое.

Только прежде
Открой ты мне очи,
Мое солнце. И вновь предо мной
Все что я не успел, не закончил,
Пусть прощальной пройдет чередой.

Напоследок ручей серебристый
Да услышу, как голос родни.
И еще попрошу: материнский
Дай услышать напев «щищ-нани».

Мне б «Радеду» послушать, и танца
Мне не надо. Пусть песня звучит,
И сквозь песню – джигита-абхазца
Охлест плети, как выстрел в ночи.

РАЙДА-ГУЩА

Мир опустел.
И в пустоту
Вселился звук дождя,
Собою словно заслонив
Отсутствие тебя.

Цветы, калитка и забор,
Да кислый виноград...
Тебя лишь нет в моем саду,
А сад – все тот же сад.

С конца селенья слышу лай
И слышу стук копыт.
Неужто горе известить
Ко мне мой друг спешит?!

Нет. Не ко мне...
Так где же ты?
Пропел ночной петух.
Вот, что услышал в крике том
Мой воспаленный слух:

– Живет любимая твоя
На дальнем берегу.
Висячий мост туда ведет

И Молодостью этот мост
Зовут, ку-ка-ре-ку!

Но ношу тяжких лет моих
Не выдержит тот мост.
И «Райда-гуцу» я пою
И смысл напева прост.

Киршал Чачхалиа

* * *

Слова любви не знают увяданья.
Есть жизнь, покуда есть любовь.
Извечная весна и юность мирозданья,
Мы ею рождены, мы плоть ее и кровь.

Покуда есть она, есть молодость и радость.
Покуда есть она, надеждам нет конца.
Покуда есть она, нас не коснется старость,
Бессмертье обретут влюбленные сердца.

Мы перед ней в долгу, как зелень перед
солнцем.

Так камни янтаря обязаны смоле.
А если вдруг любовь с лица земли сотрется,
Не приведи, Господь, мне жить на той земле.

* * *

Опять, опять прикован я к постели.
Я удручен болезнями давно.
И, широко раскрыв глаза, на зелень
Гляжу в широкое больничное окно.

Ночами я общаюсь с привиденьем.
Видать, недолгий мне назначен путь,
Вы где, друзья? Придите на мгновенье.
Не дайте мне, не видя вас, уснуть.

Смотрите мне в глаза, не отводите взглядов.
Вы мне нужны сейчас, чтоб там, во мгле,
Я твердо знал и был уверен свято
В том, что со мной вы были на земле.

Анатолий Аджинджал

* * *

В этот город порой наплывают туманы,
Растворяются в этом тумане дома...
Ускоряю шаги, и, подвластный обману,
Я страшусь пустоты, как сошедший с ума.

– Где восход, где закат? – все завешано дымом,
Лишь полуденный сумрак в пространстве звенит.
И фазаньим хвостом, словно радужным нимбом,
Небо вдруг очертило туманный зенит.

Я до чертиков рад просветленью, в котором
Город снова являет свой прежний восторг.
Ледниками сверкнули окрестные горы,
И вернули мне все, без чего я не мог.

Дождь прошел. Ноги шаркают мерно.
Переулки запахи теплом борозды.
И Сасрыквы стрела, что запущена верно,
Через много веков достигает звезды.

* * *

Невод тугой раскинули тучи.
В этих сетях томится планета.
Ливень заладил, холодный и жгучий,
По крышам, ставням и парапетам.

Жаждой томлюсь, но вода дождевая
Мне ни к чему. Не видно следа.
Что за погода такая шальная –
Три дня, три ночи мутнеет вода!

Больше не в силах ждать утешенья.
Ливень становится неспособу.
Вдруг появился колодец-виденье.
Но до него я никак не дойду.

Я воспаленные губы кусаю,
В горле держу нарастающий крик.
Вдруг за углом в полутьме замечаю
Прямо на улице бьющий родник.

Город громадный погряз по колено
В липкую слякоть – он ни при чем,
Он про колодцы не помнит наверно,
Вечной хандрой и тоской удручен.

* * *

Ночь осторожно подкралась, как тень конокрада.
Как непонятна в природе порой простота –
Небо повисло разорванной плотью граната,
Звездная россыпь, как сочных семян густота.

В небо смотрю. В перестуке земной колыбели
Я из пространства ответа правдивого жду.
Вдруг этот мир – старец, что гибнет в постели,
И завтра его провожать до могилы дождю?

Небо повисло разорванной плотью граната.
Звезды срываются, гаснут в пространстве глухом.
Не знаю, не знаю – быть может, разумно и надо,
Чтоб падали звезды, но что остается потом?

* * *

Солнце приближалось медленно с востока,
Очертив в зените осторожный круг,
Опускалось плавно, опускалось долго
Ястребом усталым на далекий луг.

Яро развернуло огненные крылья,
А затем свернулось нехотя в клубок,
А еще позднее сплющилось, как дыня,
Прячась в предвечерний тающий дымок.

Я поймать хотел его, но мне жалко стало,
Жалко было солнце приводить в свой дом.
Солнце отдыхало, тяжело дышало,
Тяжело дышало загнанным зверьком.

Всемогущ, всевластен я на всей планете,
Но земное сердце у меня в груди.
Покровитель слабых, я за них в ответе,
Потому и солнце стало мне сродни.

* * *

Было пасмурно, но небо отворилось,
Свет небесный наземь пролился.
Предо мной река клубилась и дымилась,
Исчезала и бежала, колеся.

Берег дальний уплывал вослед потоку,
И зелеными зонтами тополей
Пролетало детство и тускнело понемногу.
А ведь не было ничто его светлей.

Николай Квициния

* * *

Я не прочь что ни день
Улыбаться беспечно
И свистеть озорно
На скаку, на лету.
Но ведь даже везучим
Везенье не вечно,
Но ведь даже везучие
Знают беду.

Что ж, и я не всегда
Пожинаю отраду.
Я не в силах порою
Хандру отвратить.
Где – скажите – найти мне
Такую уладу,
Неуемную боль
Чтоб могла заглушить?

Может, просто печаль
Мне судьбиною стала,

И кончина проклятой
Не так уж близка...
Ждет восторженных песен
Редактор журнала.
Где их взять,
Если душу съедает тоска!

* * *

Верил я, что покорю Ерцах¹,
Как бы ни был горд и своенравен.
Молод я, и так широк размах
Крыльев тех, что я всю расправил.

Есть ли даль, что недоступна мне –
Впереди вся жизнь моя простерлась!
Видел наяву, а не во сне –
Времени безбрежную огромность.

Но тревоги начинают зреть,
Начинают донимать ночами:
Где мне эти горы одолеть –
Лермонтовский возраст за плечами!

¹ Ерцах (Ерцаху) – горная гряда в Абхазии. В абхазской поэзии – символ недосягаемости.

БОЛЬ ЗЕМЛИ

(отрывок из поэмы)

I
Сижу ли я дома,
Спешу ли далеко, –
Повсюду преследует
Голос меня.
То жалобой горькой,
То горьким упреком
Меня застает он
Средь бела дня.

Едва различимый,
Он вдруг вырастает,
То вовсе исчезнет,
Как утренний сон.
К тревогам моим
Он себя прибавляет,
И в душу мою
Поселяется он.

Неотвратимый,
Взлетает под крышу.
Что в дверь, что в окно –
Не все ли равно!

Я делаю вид,
Что его я не слышу,
Но вижу,
Но слышу, конечно, его:

«Пока не сомкнул я
Отекшие веки,
Пока не был брошен
В пекло огня,
Я верил,
Что мир мне
Подарен навеки,
И будто его
Не отнять у меня.

Но зря я так думал.
И, раненый в сердце,
Я шел по дороге,
Давя в себе страх,
И вот – безысходность
С названием ОСВЕНЦИМ,
Освенцим, меня
Обративший во прах!..

Будь проклят,
Кто выстрелил первым.
Будь проклят,

Кто первым соседа
Смел подпалить.
Зачем не отсохли
В крови по локоть
Их руки, которых
Ничем не отмыть.

Меня уже нет.
И кануло в воду
Все, что я должен был
Спеть и испить.
Неважно кто я,
Чей по крови и роду, –
У жизни я отнят теперь
И убит.

И нет пока еще
В мире покоя.
Поэтому я
Не посмею молчать,
Не должен никто
Пойти на такое, –
Никто до убийства
Не смей измельчать!..»

Но кто он,
Чей голос

Блуждает по свету?
Быть может, он сын твой,
Согбенная мать,
Что траур сносила,
Да ищешь ответа,
Какого нигде тебе
Не услышать.

...Вовеки не знать вам
Подобной судьбины:
Троих проводила
Она на войну,
Троих сыновей,
Что нарвались на мины,
Под танки легли,
Спасая страну.

Один погребен
У днепровской стремнины,
Под Брестом
Нашел себе гибель другой.
А третий
К Берлину пришел,
И поныне
Думает мать,
Что он
Все же живой.

Но три похоронки
Твердят про иное.
Им, трижды убившим
В ней свет,
Не понять,
Что смерть – это страшно...
Страшнее другое –
Живая,
Но горем
Убитая мать.

Мушни Микая

* * *

Стала темень светлей. Чернота стала жиже.
И уже угадать очертанья хребтов.
Значит скоро заря над снегами забрызжет,
И постылая мгла не оставит следов.

Запоеет, заиграет лесная шарманка,
Засвистит, зажурчит, защебечет окрест.
Ниспадет в котлован занавеска тумана,
И снегами заблещет далекий хребет.

Заколышется лес, как прохладное море,
Перед взглядом предстанет моложе, новей,
И следы человека, ушедшего в поле,
Затемнеют на дымной и росной траве.

А пока что темно. Сизый сумрак светлеет.
Я вдыхаю уже упоительный дым:
Запах жизни людской над селеньем белеет
И возносится ввысь, становясь голубым.

Зыбкий сумрак готов уползти в котловину.
Я встаю до рассвета, иду за поля
И с охапкой лучей возвращаюсь в долину –
С добрым утром, отчизна!
С добрым утром, земля!

АБХАЗИЯ

Тебя не воспевших поэтов не сыщешь.
Их много, рискнувших тебя написать,
А я перерыл свою память и – слышишь –
Достойного слова не смог отыскать.

Лет сорок бродил я по тропам отчизны,
Истоки твои неустанно искал.
Читал я скрижали прадедовской жизни
На камнях руинных и в трещинах скал.

Глаголило все: и обломки твердыни,
И ссадины камня на древней тропе.
И следом кровавым, исполнен гордыни,
Мой предок, я шел неустанно к тебе.

У гор и у рек я выпытывал тайны,
У сабель, изъеденных горькой землей.
И были те зимние ночи бескрайни:
Я сказки выслушивал тишью ночной.

Я сердцем выслушивал звяканье сабель,
Которое с кровью впитала земля.
Я видел, как недруг страну мою грабил,
И боль до костей пробирала меня.

Абхазия, чтобы понять твои будни,
Сегодня которые метят твой путь,
Надобно мне по отметинам скудным
Все же постичь твою трудную суть.

И пусть рассказать о державе преданий
На чью-то судьбу выпадает черед –
Как мир, что не знает ничьих прикасаний,
Таинственна ты на столетья вперед.

* * *

Мне снится детство, лишь глаза смежу –
Оно бежит мальчишкой босоногим.
И все, чем я живу и чем дышу,
В сравненье с детством кажется убогим.

Оно бежит к отлогим берегам,
Скользя по глине, шлепается в воду.
Ныряет, плещется, несется по камням,
Всерьез не принимая непогоду.

Седлает палку – это ли не конь,
На скачках знатных выигравший знамя!
На палке не наездник, а – огонь,
И конь гнедой не просто конь, а – пламя.

Верхушка дерева качается со мной,
И песнь моя колышет поднебесье.
Борьба мальчишечья, мальчишечий разбой
Доносятся из дальнего полесья.

Да не прервется этот сладкий сон,
Где я ребенок, резвый и задорный,
Где счастлив я, где я восторга полн,
Что крик мой долго повторяют горы.

* * *

Ливень дробью осыпает крышу,
В окна бьет, охлестывает ставни.
Я не сплю. И, замирая, слышу
Шелест ливня, грустный и забавный.

Я не сплю. Вздремну лишь ненароком
И несет меня ковер волшебный,
Над родной излучкой, над отрогом ... –
И опять накрапывает соком
Дождь усталый и великолепный.

Не пойму: во сне ли, наяву ли
Небеса разверзлись и – проклятье ! –
Капли ливня сыпятся как пули,
И поток багровый неогляден.

Это просто выдумка больная
Памяти недужной и безбрежной,
А по трубам жестяным стекая,
Дождь урчит заботливо и нежно.

Дождь идет то мерным перезвоном,
То гудит, как будто ветру вторя.
И стекают с крыши мимо окон
Капли, без которых нету моря.

МОЯ ЗВЕЗДА

Вознесся тихо месяц над селеньем,
Недавний мрак рассеивая прочь.
Не знаю, почему для откровенья,
Звезда моя, я выбрал эту ночь.

Я сызмала пошел стезей нележкой,
Не раз упал, не раз ушибся я,
Но в небе ты висела одиноко
И одиноко берегла меня.

Судьба несла меня в своей стремнине,
Пытала холодом, морила духотой.
Но мне сдаваться не было причины,
Покуда был я под своей звездой.

Меня напасть никак не одолела,
Беда к себе не увела, пленя.
Ведь в небе ты – пусть слабо, но горела.
Пусть слабо, но горела для меня.

И ты, беда, охотница до казней –
Любви моей нетронутый не тронь,
Покуда в небе для меня не гаснет
Мерцающий, спасительный огонь.

Мне не забыть из всех других событий –
Мой самолет дымил, с огнем борясь.
Благодарю. Звезда моя, на нити,
Но удержалась ты, не сорвалась.

За сорок мне. Как время пробежало!
И грезы не истратились в груди.
Как много дел, а времени – как мало!
Звезда моя, не падай. Погоди!

Мушни Ласуриа

* * *

Я поднялся на Мтацминду,
Где, ничем не упоен,
В пантеоновском покое
Все не спит Галактион.

Словно в мир извечный двери
Здесь распахнут небосклон.
В час полуночный не Мери
Вспомнил ты, Галактион?

Мери – страсти перевертень,
Лик с божественным челом.
Нам тебя дала бессмертным
Не она ль, Галактион?!

Дальний путь мне лег на плечи,
Но сквозь сумрачный заслон
Все я вижу ваши свечи,
Мери и Галактион.

В пору раннюю лучами
Мир пока не пробужден,
Прежде всех тебя встречает
Не она ль, Галактион?!

Микаэль Чикатуев

НА СВАДЬБЕ

Притча

Богатый пир устроил бай,
Справляя свадьбу сына.
Еды там было! Хоть кидай
Ее приبلудным псинам.

Набили скоро псы живот,
А гости – продолжали.
Меж тем в сторонке от ворот
Стоял скиталец жалкий.

Был пир горой.
Веселье. Смех.
И будто оглушенный,
Стоял он на виду у всех,
Никем не приглашенный.

И он ушел себе домой,
Ушел не без надежды.
И вдруг вернулся в дорогой,
В изысканной одежде.

И встал, где прежде он стоял.
И чудо совершилось:
Его просили стар и мал,
Чтоб оказал им милость.

С почетом повели к столу.
Его за пир сажают.
Еды невиданной несут,
Откусать приглашают.

А он, приличия поправ,
И этим пир нарушив,
Сует в подливу свой рукав
И шепчет громко: «Кушай!».

Ходжа опознан всеми был,
И вот, сорвавшись с места,
Хозяин дома завопил:
– Ходжа! Что значит это?!

Ходжа умерил сразу пыл
И посрамил невежду:
– Ведь не меня ты пригласил,
Ты ж пригласил одежду.

Борис Гургулиа

РОДНОЙ ЯЗЫК

Я вас хочу предостеречь –
Меня понять вам будет трудно,
Моя клокочущая речь
Для вас бессмыслица покуда.

Живу я у изножья гор,
Живу, гордясь таким соседством.
И гор я слышу разговор
На языке, понятном с детства.

Утес над пропастью висит,
И ты перед загадкой млеешь,
Но он с тобой не говорит,
Ведь ты его не разумеешь.

Так пусть на этом языке
Не говорят людей миллионы –
В тысячелетях опаленный,
Он эхом слышен вдалеке.

Он из седых пришел веков,
И пусть не очень-то приметен –
Обрел друзей, поверг врагов,
И он поэтому бессмертен.

САМШИТ

Самшит всегда зеленый
И твердый он всегда.
Его могучи корни,
Бесчисленны года.

И коробки, и ложки,
И миски, и сундук –
Все из самшита можно:
Игрушки и мундштук.

Издревле неразлучны
Пастух и ахмачир¹.
В жару нет друга лучше,
Когда горит весь мир.

В руках поэта ручкой
Становится он вдруг.
Он посохом на круче...
Он самый верный друг.

Он – колыбель резная,
Качается, стучит.

¹ Ахмачир – самшитовая кружка пастуха.

В нем вся моя бывшая
История звучит.
Не зря ведь были схожи
И стать и судьбы их –
Самшита твердой рощи
И прадедов моих.

Таиф Аджба

НАСТАВЛЕНЬЕ АБРАСКИЛУ¹

Абраскилова
Не знает края
Вера.
В той надежде
Есть отчаянье,
И все ж –
Столб трясется,
Содрогается пещера,
Будет время –
Столб ты вырвешь
И вздохнешь.

Станет папоротник дымом,
Подоженный
Жарким пламенем,
Что высекла гроза.
Будет время,
И сомкнут предсмертно веки
Злого умысла
Бесцветные глаза.

¹ Герой абхазского мифа, богоборец, заточенный в пещере, прикованный к столбу.

А пока... пока
Терпи ты злую птицу,
Что тебе никак покоя
Не дает.
Пусть она еще немного
Поглумится.
Будет время –
Все равно твоя возьмет.

Пережди,
Чтоб накопилась
Снова сила,
И порой на зло
Старайся не смотреть.
Только как это суметь,
Ведь Абраскилом
Ты рожден
Не для того,
Чтобы терпеть.

Снова слышен
Лязг цепей из подземелья.
Надлежало
Догадаться мне давно б:
Абраскил не хочет слышать
Про терпенье,
Цепь грызет
И выворачивает столб.

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

– Торопись! – задравши
голову, кричу
Посланному издали
Звездному лучу.

Глаз не отрываю,
Глаз не отвести.
Про себя гадаю
О судьбе звезды.

Может быть, пылает,
В небе колеся, –
Все еще горит
Иль выгорела вся?

Но дошел сегодня
До меня тот свет,
Что летел в пространстве
Много тысяч лет.

О себе не знаю
Ровно ничего, –
Вдруг и мне зажечься
Будет суждено.

В чьих глазах засветит
Через сонмы лет
Мною ненароком
Излученный свет?

РОДНИК

Пробился я наружу.
Журчу я и журчу.
И в песне этой душу
Я выплеснуть хочу.

Воды моей не мутит
В меня упавший лист.
Ведь я родник и, люди,
Всегда быть должен чист.

Никто мной не обижен
На всем моем веку.
Ведь я родник. Каким же
Я быть еще могу.

И родниковой чести
Нельзя мне изменять.
В одном заглохну месте,
В другом – пробьюсь опять,

Чтоб вновь журчать и литься,
Чтоб петь, поить собой,
Чтобы на ваших лицах
Искрился ответ мой.

Я не жалею песен,
Себя не берегу.
Так пейте ж!
Чем полезен
Я быть еще могу!?

* * *

Гитара плачет,
 снова до рассвета
Меня лишив спокойствия и сна.
Огонь любви извел мою соседку,
Но не в меня молодка влюблена.

Любви моей нетороплива кара.
Я вслушиваюсь в песню не дыша.
В руках девичьих плачет не гитара –
Моя на ней распятая душа.

Гитара плачет...
 снова до рассвета,
Меня лишив спокойствия и сна.

Рауль Ласуриа

* * *

В краю,
Где цветы и раздолье,
Где нет и не может быть зла.
Порхала там бабочка в поле,
На древе пичужка жила.

Скакал я полесьем
В ударе,
И вдруг осадил скакуна.
Там чижик чирикал в чинаре,
Не зная покоя и сна.

А бабочку вынесло в море.
Куда она!
Волны кругом.
Хлестнул я коня,
Чтобы горю
Попавшей в стихию помочь.

Что, мало ей было приволья
Лугов, и долин, и полей!

Наверное, чиж этот с болью
Пел песни, забывшись, о ней.

Сон детства – забавный и старый
Прошел,
Но осталась свежа
В листве одинокой чинары
Печальная песня чижа.

В ЖАРУ

Под тягостным бременем зноя
Море недвижно лежит.
Прожить здесь в июле без моря
Равно, что безумцем прослыть.

Но я не от чувства боязни
Не вхож за этот предел.
К морю болезненной связью
Я привязаться успел.

Разлуки разные в мире,
По-всякому всяк разлучен.
Но братья мои, махаджиры,
Ни в чем не повинны, ни в чем.

Слезам ты солоно, море,
Заплывших от скорби очей.
Ты – горе, бескрайнее горе
С землей разлученных людей.

Под тягостным бременем зноя
Море недвижно лежит.
Прожить здесь в июле без моря
Равно, что безумцем прослыть.

Я – в катер, чтоб с моря окинуть
Отчизну и вжиться в вопрос:
«С каким это сердцем покинуть
Свой край махаджирам пришлось?»

Взгляну – и наполнюсь гордыней,
Задумаюсь – снова тоска.
И сердцу тревожней в грудиने,
И жилка слышней у виска.

Сегодня под бременем зноя
Море недвижно лежит.
Прожить здесь в июле без моря
Равно, что безумцем прослыть.

Но я не сумею, не скрою,
Как с морем вышло у нас.
Оно ведь о прожитом мною
Горький, безбрежный рассказ.

Рушбей Смыр

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Чужбина претит одному,
Другому неймется в дому,
Но, долгую ночь переждав,
Поймут – кто прав и не прав.

Спаленный грозой,
Как мечту,
Теряет орел высоту,
А ворон – живет и живет.
День завтрашний их разберет.

Кому-то живется легко:
Блаженство, покой – для него.
Иной – меж огнем и огнем.
Слово за завтрашним днем.

Я тоже по жизни иду
У будущих дней на виду,
И все, что я смог и не смог,
Затем превратится в итог.

ОБНОВЛЕНИЕ

Петь начинают
Птицы несмело,
Словно вполголоса
И вразнобой.
Слушают скалы их онемело,
Сгрудившись тесной толпой.

Черною буркой
Постелена подле
Дерева
Тень,
Что отброшена им.
Нежатся волны,
Закутавшись вроде в теплый,
Предутренний дым.

Тучи рассеялись и потерялись,
Все приглушеннее звуки ручья.
Солнце легонько
Потрогало завязь
Нежными пальцами луча.

Стебли поднимут цветы,
И понятен
Станет затейливый

Смысл перемен...
Так обновляется
В вешней прохладе
Родина,
Данная счастью взамен.

АПСНЫ

Ты – песнь,
Что вовеки не пета,
Стихи,
Что пока еще – сны.
Ты – искра
Прадедова света
И кровь моей плоти,
Апсны!

Взгляну на тебя,
И любое
Унынье из сердца –
Долой!
И небо
Вовсю голубое –
Оно надо мной
И тобой.

Ты – бьющая
Вечно криница,
И боль,
Что не станет стара.
Ты – свет,
Что гнездится
В глазницах,

И крылья мои,
Апсынра!

Сады, изобилие.
Снова
Весну узнаю
На заре.
И счастья
Не надо иного,
Когда ты живешь
В Апсынре!

Ты – бьющая
Вечно криница,
И боль,
Что не станет стара.
Ты – свет,
Что гнездится
В глазницах,
И крылья мои,
Апсынра!

* * *

Ливня летнего мотивы
Листья трепетно поют.
Твои пальцы дождевые
По щекам моим текут.

Полумрак лесной тропинки.
Боже, что же я творю!
С губ твоих я пью дождинки
И судьбу благодарю.

Ни луны, ни звезд над нами.
Эта ночь светлее дня.
Ты течешь по мне ручьями
Сумасшедшего огня.

Мы слились с тобой плечами
И в наплывшей полумгле
Твои волосы ручьями
Растекаются по мне.

Геннадий Аламиа

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

В тот день
Впервые
Солнце коснулось
Глаз моих.
Только
Не был
Рождения днем
Этот день.

В тот день приходили
К отцу, чтоб поздравить
С рождением сына.
Но не был
Рождения днем
Этот день.

Когда на закате
Простился я с солнцем
И поутру встретил его –
Тогда я родился.

Когда я пошел
По дороге из дома
С мыслью о том,
Чтоб сюда возвратиться –
Тогда я родился.

ГОЛУБОЕ

В мире много было голубого.
Голубому мало было неба.
В мире много было голубого.
Голубому мало было... моря.

Голубому тесно было в небе,
Тесно было в море голубому.
И тогда глаза твои испили
Мира всю голубизну.

И теперь уже море,
И теперь уже небо,
Когда просят
Заглянуть в твои глаза –
Смеются голубыми брызгами.

* * *

Издалека
Шла в город темнота.
Спускаясь с гор
Уже брала районы.
И город быстро
Зажигал огни,
Панически
Включая лампы.

Держалось небо
На столбах из света.
Под храмом этим
Город был спокоен.
Дороги здесь
Сшибались,
Разлетались,
Задумывались,
Проносились с воем.

Они, сойдясь,
Уже лились широко.
И путник, словно
Одолев стремнину,

Вновь попадал
В сплетенную из улиц
Коварную
И злую
Паутину.

ЗВЕЗДЫ-СЛЕЗЫ

Небо звездами плачет,
Слезы капаят – звезды.
Чьи-то кончились грезы,
Он погиб – не иначе.

Небо звездами плачет,
Звезды льются и меркнут.
Их сдержать – человеку.
Небо
горя не прячет...

Вот заря засветилась.
Отчего так легко?
Чудо!
Ничего не случилось!
Чудо!
И не умер никто!

* * *

В черноте ночи
мои мелькающие пальцы
подобны молнии,
расплетая черные косы твои,
горят...

Биение сердца моего –
что громче грома сейчас –
на кончиках пальцев моих,
как на стеблях,
загорается красными цветами...

Птицы оборвали песню свою
на самом чудном месте...
застыли два цветка,
склонив друг к другу маковки...

* * *

Среди зимы
Вдруг в тебя
Поселилось тепло –
В освещенную солнцем
Переднюю дверь мира –
Огромного здания –
Вошел человек.

В летний зной
Твое сердце
Пронизывает холодок –
Из не выдавшей солнца
Задней двери мира –
Огромного здания –
Вышел человек.
Ушел.

* * *

Осень...
Листья в саду
Расстелились
Червонным туманом...
Осень...
Старик в саду
Сидит одиноко
На узкой скамье...
Осень...
Отдыхают поврозь
И старик,
И опавшие листья...
Осень...

* * *

Нет человека.
Исчез.
Как птицы
В небе высоком,
Как парусник
В море широком.

Нет человека.
Для тех,
Кто издали
Знали его.
Для тех,
Кому близок был сердцем,
Он продолжает жить.

Так птица в заоблачном мире,
Свой продолжает полет.
Так парусник
За горизонтом,
Невидимый нами,
Плывет.

* * *

Она идет
Печально
По дороге,
Красивая,
Под бременем тоски.
Но так легко
Ее ступают ноги,
Что кровь моя
Ударила в виски.

Ей, молодой,
В саду деревья рады.
Она идет
Своей тоски полна.
И льнут к ее ногам
Цветы и взгляды,
Но лишь печалью
Занята она.

Тревожусь я,
Тревожусь не напрасно:
Ее ж надолго
Оставлять одну
Опасно
И не только потому,
Что девушка грустна.
Она – прекрасна.

* * *

К чему
Ни притронешься ты –
Становится бренным
И тленным.
Но, Время,
Мой двор обойди:
Оставь мне его
Неизменным.

Бегущий за бабочкой сын,
И матери
Голос зовущий –
Пребудет пусть вечно,
Как синь,
Пусть будет
Живым
И живучим.

Здесь братья
И сестры живут.
Поверив
В незыблемость тверди,
Их ноги босые бегут
Вдали от старенья
И смерти.

Полянки
Зеленый простор
И свет,
Что струится сквозь крону...
Весь мир,
Заключенный во двор,
Тобой
да не будет он тронут.

Здесь
зиму
Пусть сменит весна,
А лето –
Прохлада осенняя.
И все,
И вовеки не знать
Иного
двору
изменения.

Привычные дни
Чередой
Плывут пусть
Привычно
в потемки.
Единственной тут новизной
Пусть новые будут
Потомки.

НОЧЬ

Весь мир окрашен в цвет
Незримый и единый.
Не видишь ты цветов,
В них стоя по колени.
Сегодня, в этот час,
Они неразличимы.
Уснула в них игра
Живых лучей и тени.

У моря ты стоишь.
А вдруг не море это –
Шумит перед тобой
Невидимый туман?
Ночь отняла у нас
Своим единым цветом
И море, и цветы.
Бесцветный мир – обман.

В бесцветности ночной
С тобой мы заблудились.
Невыносима нам
Неразличимость мглы.
Но хорошо, что все
Цвета остались в силе,
Что мы с тобой в душе
Их сохранить смогли.

РАССВЕТ

Сперва – светленье,
А затем – светанье.
От темной ночи
Нету и следа.
Рассвет вернул
Природе очертанья,
Вернул природе
Прежние цвета.

Вы те же, горы?
Вы, долины, те ли?
Тесна для песни
Что-то стала грудь.
С тобою мы на сутки постарели –
За сутки дети
Выросли чуть-чуть.

Они встают.
Им все на свете мило.
И до чего тепло,
Светло, свежо!
Их радует,
Что мне уже постыло.
Им прибыло,
Что от меня ушло.

* * *

Мир не знает беды...
Руки человека
Продолжены ветвями.
Силой корней
Утвержден на земле.
Шелест листвы
Вечно пребудет
Языком человека.
Мир не знает беды...

Прохладой скользящая
Между ветвей,
Ни в чем, кроме юности,
Не повинная,
Тайны которой
Хранит листва –
Природа не знает увяданья.

Весной прежде всего
Наша юность вернется.
Цветы, что раскроются –
Наши счастливые дни.
И мы – утопающие в этих цветах...

В мире,
Не знающем беды,

Где все живут душа в душу,
В мире, забывшем беду,
Береженный, сию я
Под граба языческой сенью.

СУДЬБА

Один суховеем
Проходит по жизни,
Там высохли травы,
Где он проходил.
Другой же –
 промчался
Дождем по отчизне,
И хлынули травы,
Как волны,
 за ним.

Иному и жизни
Никак не хватает,
Чтоб людям открыть
И оставить родник.
Другой –
 тот родник
Для себя осушает,
Другой,
 кто болей
За других не привык.

Он, может, решил,
Что с годами сотрется,
Забудут,

Лишь стоит
Тебе умереть...
Но нет –
Он останется,
Он остается –
Нестираемый
Жизни след.

Тут смерть не поможет,
И раз ты родился –
По жизни тебе
Не пройти без следа:
Добро или зло
Ты оставишь на лицах
Людей,
 что запомнят
Тебя навсегда.

Одни пожелают,
Чтоб солнце
Ласкало им веки
В тот час перед смертью,
В тот самый
Удушливый час.
Другие – чтоб песня
Над ними
Качала бы ветки,
Чтоб мягким
Сквозь песню
Послышался смерти наказ.

Но кто виноват,
Если жил ты,
Окно занавесив,
И солнце
 с тобой
Не простилось
В предсмертные дни?
Но кто виноват,
Если ты
Недолюбливал песни
И не прониклись

К тебе
 состраданием
 они.

И вот,
Нависает смерть
Над твоим изголовьем.
Ты просишь судьбу,
Чтоб не слышать
Дыханья того.
Судьба же – бессильна.
Спасительны –
Солнце и песня,
С которыми
 общего
Ты
не имел
ничего.

* * *

Я осенью ринусь,
Как птицы, которым
Лететь в незнакомые
Дальние страны.
Я осенью ринусь...
Так листьям кленовым
Прощанье с ветвями
Не кажется странным.

Уйду,
Чтоб как птицы,
Вернуться весною,
Небесную вновь
Одолев переправу.
И встретятся снова
Деревья с листвою
По самому лучшему
В мире уставу.

Дорога сквозь зиму
К родному порогу –
Она сохранится
Во что бы ни стало.
Лишь я
Потеряю и эту дорогу,

И все,
Что застынет
Во взоре усталом.

ЗИМА В САДУ

В саду звучали песни,
Но этих песен нет.
И мчавшейся к полюсью
Простыл тропинки след.

Здесь холодно, как в стужу,
А был ведь май, а был...
Но этот иней душу
Твою посеребрил.

Он так жесток, тот холод,
Что не поможет мех.
И плачешь ты не в ворот,
А горько плачешь в снег.

И солнце стороною
Обходит этот сад.
Короткою тропюю
Оно спешит в закат.

Теплом не удрученны
Пока еще крепки
Сосулек истонченных
Прозрачные клинки.

Я знаю, ты желаешь
Весне вернуть права.
Но снег лежит, где раньше
Была трава,
Трава...

ГОРЫ

Вы видели сны
Или вовсе не спали?
Глазам вашим
Больно,
 наверно,
Смотреть.
Степные,
 видать,
Полюбились вам
дали
И хочется вам
Расстелиться,
 как степь.

Не думаю. Нет.
Я тревожусь напрасно:
Вам с небом
И звездами –
Не разойтись.
Зачем вам
чужое
Пустое пространство,
Имея
 прошитую
 звездами
 высь!...

Что мал этот край –
Затертая фраза.
Сомкнувшись в цепи
Все
 как один,
Вы недостигаемы
Даже для глаза,
Глядящего
 в сторону вашу
С равнин.

Как будто не спали вы,
Милые кручи.
Я вижу тревогу
Доверчивых глаз.

Быть может,
 приснились вам
Черные тучи,
Вращенные
Пыльной
 равниной
 для вас.

МОРЕ ОБИДЫ

Море – ты обида
Горькая моя.
Чаша той обиды
Льет через края.

Тем, кто вечно зарился
На мою Апсны,
Помогло,
Чтоб черные
Их свершились сны.

Я б предал забвению
Эту старину,
Я б хотел до времени
Снять с тебя вину.

Ты ж кидалось алчно,
Все вокруг губя!
Ты вовек не снимешь
Той вины с себя.

Черные дороги
Морем шли во мгле.
Дальше суша, дальше
Шли они по мне.

Море – ты обида
Горькая моя.
Чаша этой горечи
Льет через края.

Мы с тобой соседи
На земле одной.
Только большей близости
Нет у нас с тобой.

Море, ты обида...

МОНАСТЫРЬ

*Женский полк, в котором воевала
летчица Мери Авидзба,
располагался в бывшем женском монастыре*

Здесь,
В монастырских кельях,
Жили прежде
Сестрицы,
Что молились
Ночь и день.
И, облачившись
В черные одежды,
Себя
до срока
Обращали в тень.

В тот монастырь
Военная дорога
Безбожниц полк
Однажды привела.

Нет в небесах
Ни ангела,
Ни Бога –

Кругом огонь,
Убийство
И война!

Отсюда небо
Было очень близко,
И поднимаясь
С гулом
 в вышину,
Они с войной
Ценой кровавой риска
Вели войну,
Чтобы убить войну.

Они летели
Ангелами мести –
Крылатая
И светлая семья.
О дочерях своих
Недоброй вести
Страшилась
Беспокойная земля.

Они домой
Спешили издалека,
Живыми
Или мертвыми –

Домой!
Нет в небесах
Ни ангела,
Ни Бога.
Там было все
Заполнено войной.

МОЯ ВИНА

Еще свежа
Во мне моя вина.
В мой дом
Вернулись ласточки.
Их племя
К нам прилетает
Не на год,
На время.
А я забыл о том.
Пришла весна.

Сквозь щебет птиц
Я крикнул вдруг
В сердцах:
«Довольно! Надоели!»
И с рассветом
Пустел мой двор
И наполнялся ветром.
А ласточки
Исчезли в небесах.

Душа моя
Осталась, как гнездо,
Покинутое ласточками в доме.
Оно мне

Показалось разоренным,
Хотя его
Не разорял никто...

Летать я не умею,
Ждать – могу.
И вот я жду
Весну мою унесших
Тех ласточек,
Самозабвенно певших.
Тех ласточек, что в сердце берегу.

Я сам не защитил
Свою весну.
И ласточки
Ее с собою взяли,
И ласточки
Ее не возвращали.
Я их искал.
Я знал свою вину.

В прохладе леса
Листья лишь кружат.
Нет ласточек –
Одна пустая просинь.
И знаю я,
Что тут виной

Не осень...
Вина моя
Во мне
еще свежа.

ДОРОГА

Передышка – недуг.
Остановка – гибель.
Жизнь –
Не терпит застоя.
Она живет
Только в ритме,
Название которому –
Время.

Направление дорог –
Это Север и Юг,
Это Запад, Восток.
А дорогу саму
Выбирает цель человека.
Тропинку,
Проселок,
Большак.

Только разве мертвы
Те, что вне этих дорог?
К небу
Тянутся
Ветки.
Разве есть

Лучше этой
Дорога?!

Неподвижны деревья,
Но проходят сквозь годы.
Неподвижны они,
Ежегодно
Приводят весну.
Стоя так,
Без движенья,
Корнями
Проходят к столетьям.
Нам с тобой
Не угнаться,
Как бы мы
Ни спешили
Им вслед.

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Опостылевшим спуском,
Бесконечным подъемом
И скучным
Или солнцем неподвижным,
Несносным в сиянии своем,
Стала жизнь для тебя.
Как медлительны,
Как неразлучны
Муки с сердцем твоим...

Мы ж – недолго на свете живем.

Это трусость тебе
Не дает оборвать эту муку.
Ты – беспарусный челн,
Много робости
В теле твоём.
Длится жизнь твоя
Неизлечимым недугом,
Бесконечным.
А мы...

Мы недолго на свете живем.

* * *

Лопнула почка.
Как взорвалась
Цветом зеленым.
Детям на радость
Этот год
Будет фруктовым.

Серую тучку
Солнцем сожгло:
Вспышка – и нету.
Значит, сегодня
Детям играть
Долго, как летом.

Нету взрывов других на планете.
Нету вспышек иных на планете,
Дети!

Яблоко звонко
Упало в траву
С ветки тяжелой.
Яблоко в мягких
Руках малыша.
Мальчик – веселый.

Выпал в траву,
Не ушибся птенец,
Не потерялся.
Это заметив,
Малыш заревел –
Так испугался.

Нет происшествий в мире других,
Бед и волнений нету иных.

Светится земля на ветке мироздания...

НЕ ПЛАЧЕТ БЕРЕГ

Пустынен берег,
Но не плачет он.
Он одинок,
Но полон ожидания.
Играют чайки
С волнами далеко.
Не плачет берег,
Потому что ждет.

Вернулись чайки,
Усыпав густо берег,
Прибрали зябко
Утомленные крыла.
За ними вслед
В песок упали волны,
Распластав
Обессиленную пену.

Плачет берег, которому
Чайки и волны
Не радость свою принесли,
А усталость.
Они отдохнут
И снова займутся весельем.
И берег пустынный
Их будет по-прежнему ждать.

МНЕНИЕ

«Из всех живых
Прекрасней нет меня!» –
Давно себе
Признался человек.
«Я дал вторую жизнь
Природе!» –
Так заявил
Опять же – человек.
«Сильнее силы
Человечьей – нет!» –
Пришел к такому
Мненью человек.
«Мой разум, мысль моя
Горят, что солнце!» –
Так о себе
Воскликнул человек.

Но он не знает,
А согласны ль с этим –
Цветок,
Травинка,
Дерево,
Скала...
Прислушайся!
Пусть и не примешь к сердцу,
Прислушайся,
Каков же ты для них.

ПСХУ¹

Бзыбь с корнями несет
Сквозь глухие
Ущелья и веси
Ствол могучий,
который
С рекой уплывать
Не хотел.
И дымки очагов
Не к добру
Над домами исчезли:
Вереницы людей
Покидают родимый предел.

Растеряли богов,
И игрушкой
Стала святыня.
Пепелищем сырым
Стал гудевший от жара очаг.
И у всех на устах –
Милой родины
Горькое имя.

¹ Высокогорное село в Абхазии, в верховьях Бзыби, жители которого были поголовно выселены во второй половине XIX столетия в Османскую империю.

И у всех на челе –
Отлученья от родины
Знак.

Слышно ржанье
И вой
С опустевших холмов
И нагорий.
Провожают гонимых
До дымных
Морских берегов.
И лежит перед всеми
Воистину черное море,
Как бескрайний погост
Без надгробий,
Без плит,
Без крестов.

И стою я у Бзыби,
И вижу –
Уходят, уходят,
Отодрав от земли
Все, чем связаны
Были они.
И несут на руках
Малышей,
Но на них и не смотрят.

Ну, а смотрят куда –
Там лишь волны,
И волны одни.

И стою я у Бзыби,
Пришедший в пустую обитель,
Поднимаю земли,
Не узнавшей руки моей,
Горсть,
Как вернувшийся сын
В дом, который
Покинул родитель,
Где сегодня уже
Я, быть может,
Непрошенный гость.

Я стою среди гор,
Никогда у которых
Я нежил.
Как мне холодно здесь,
Кто б сиротство
Мое отогрел.
Все мне видится дым
Очагов,
Не при мне догоревших...
Вереницы людей
Покидают родимый предел.

ЗЕРКАЛА

Заставлен
Зеркалами
Взгляд.
Куда идти?
Стоишь в опаске.
И вместо лиц
Сплошные маски
Ухмылкой душу
 леденят.

Где выход здесь?
Где тут окно?
Как безысходно все,
Бессвязно.
«Иди сюда!» –
Но не дано
Понять,
Где менее опасно.

Вот он,
Чей голос,
Слышал ты,
Идет
 из зеркала
 навстречу,

И ты спасения предтечи
В нем видишь
Светлые черты.

Но он суров,
Безмолвен он,
И на устах его сомненье:
Помочь тебе
Иль дать,
Чтоб сон
Ужасный
Получил продление.

Друг другу
Что силы есть ты тянешь руку.
Вы так близки
И далеки,
Что сквозь
Зеркальную разлуку
Вовек не дотянуть руки.

Затея вроде бы ясна.
И пусть твердят, что хохот – лечит,
Вы не смеетесь:
Не смешна
Бесчеловечность
Вашей встречи.

ЦЕНТР ЗЕМЛИ

В пустыне песчаной
Ты мог бы родиться абхазцем,
На Севере дальнем,
Вовеки не знавшем весны.
Но ты не сумел бы,
Но ты б
Не посмел там остаться,
Узнав, что ты – кровь
От безудержной крови Апсны.

Но ты ведь родился
Не на чужбине,
А здесь –
На родине,
В центре земли,
В самом сердце Вселенной.
И с матери песней
Услышал ты родины песнь,
Глаза распахнув –
Родное увидел селенье.

Но все, что ты видишь,
Пока просто горы и дол:
Земля под ногами
Становится родиной позже.

Впитаешь ты сам,
Как соки – дерева ствол
Ее ощущение.
Оно ни на что не похоже.

И с этого часа
О ней будешь помнить всегда.
Найти нелегко
Дорогу к сердцу отчизны.
Отчизна сама
Сквозь жилы
Проникнет в тебя,
Чтоб выйти затем
Лишь с последней
Капелькой жизни.

В любви обделенной
Ей никогда не бывать.
Всегда есть кому
Погибнуть во имя отчизны.
Она не умеет
К себе равнодушных прощать,
И нет ничего
Страшней ее укоризны.

Ежели бросишь
Свою престарелую мать,

Искать она станет
Тебя
Незлобиво по свету.
Но если отчизну
Однажды посмеешь предать,
Поймешь,
Что дороги попятной
На родину – нету.

Слепо материнство:
Ты отступил,
Уступил,
Смирился и скрылся,
Укромное место найдя.
И мать успокоилась.
Матери – лишь бы ты был.
Но родина
Большого все же
Ждала от тебя.

А гордые горы –
Они над тобою стоят.
Глаза опусти:
Величье их
Не без причины –
Они встречают рассвет,
Провожают закат

И взглядом державным
Глядят с высоты
на долины.

Зовет тебя в горы
Не страсть любопытства,
Не зуд,
И сам ты не знаешь,
Что тянет тебя на вершины.
Идешь ты покорно,
Родители будто зовут,
По тропам, которых
Страшатся иные мужчины.

Взбираешься ты,
Доверившись горной тропе,
Не зная про страх,
В тумана идешь круговерти.
И скорая гибель в горах
Гораздо понятней тебе
Трусливо в долинах
Прожитых десятилетий.

Сквозь камень горы
Стремится к высотам вода,
Чтоб ближе к вершине
Ручьем говорливым пробиться,

Вдохнуть высоту,
Вобрать синеву
И тогда,
Скользнув по скале,
В ущелье опять устремиться.

Услышал ты зов,
Услышал будто во сне,
Хоть был он неслышным,
Как реющий в воздухе лист.
И ты устремился,
Доверившись гор крутизне,
К вершинам, где снег,
Как совесть народа,
Пречист.

Что горы?!
Громады из камня
Да снег.

И ничуть
В них нету души.
И лик ледниковый
Бескровен.
Но чтобы понять
Отчизны высокую суть,
Ты должен стоять
С седыми вершинами вровень.

И вот ты на гребне,
И жадно ты ловишь глазами
Все то, что всегда
В душе твоей отзвук найдет.
Отечества синий корабль
С зелеными парусами,
Он на воду спущен
И ветра попутного ждет.

СЕМЯ ОГНЯ

Фрагменты из поэмы

*«Держась за бабушку рукой одной,
в другой держал я маленький кораблик».*
Д. Гулиа¹

Безбрежен мир,
И он вместил Апсны
С ее долинами
И морем,
И горами.
Но почему она
Среди весны
Горит огнем,
Огнем, а не цветами?

Пока что зыбкий,
Но уже стоит
Чужбины образ
Перед каждым взором.

¹ В детстве Дмитрий Гулиа пережил трагедию массового изгнания абхазов в Турцию, получившего название – махаджирство. Однако спустя некоторое время родителям будущего поэта удалось возвратиться на родину (прим. переводчика).

Огнем объят
Отцовский дом горит,
И этот дым
Рассеется не скоро.

Ребенку все равно
В стихии той
Что с бабушкой,
Что с родиной расстаться.
Он цепко держит
Бабушку рукой,
И на земле ему
Не потеряться.

Зловещий мир,
Круша и покоряя,
Абхазия,
Он поглотит тебя.
Но вырастет кораблик,
Распирая
Невольничьи
пределы корабля.

* * *

Мир чужедальный
Никого не спас,
Изгнанникам
Не подарил свободы,
Но свет ее,
Свет бабушкиных глаз
Лег на море
Дорожкой путеводной.

И вот вдали –
Черты родимых гор.
Целебней махаджиру
Нет лекарства.
И он тебя, Абхазия,
Читал
Как летопись
Лишений и мытарства:

«Абхазия,
Мой свет,
Моя страна,
Родимая,
Что так тебя тревожит?
Что ищешь ты,
Что потеряла ты?

Ужель ничто
Помочь тебе не сможет?»

Со мной любой
Разделит удивленье:
Была, Апсны,
Красива ты всегда.
Хоть ничего,
Помимо разоренья,
Тебе не приносила
Красота.

* * *

Отчизна,
Бабушка –
Превыше всех и вся.
Кто понял это –
Тот уже великий.
И видишь ты
Дорогу бытия
Сквозь сеть морщин
На бабушкином лице.

Жизнь посвятишь
Земле родной.
И сил
Абхазии не пожалеешь ради.
В отчизне жить
Вблизи родных могил –
Превыше нет
На свете благодати.

Ты душу отпустил,
Как птицу – ввысь.
Она к тебе
Вовеки не вернется.
Но ты спокоен:
Знойный день случись –

Она дождем
Прохладным обернется.

И жизнь одна,
И родина тебе.
И выбирать тут
Нечего, конечно:
Жизнь посвятить
Отечества судьбе,
Чтоб вместе вам
Продлиться бесконечно.

* * *

Легла дорога
Сквозь ночную темь.
Вдали горел огонь
Едва приметный.
И этот свет
Изгнаннику был всем –
Он был ему
Его мечтой заветной.

Он исходил
Из глаз родной земли,
Из глаз ее,
Разъеденных слезами.
Его задуть лишенья не смогли.
Надежда в нем
Искрилась угольками.

И в той надежде
Годы шли. Века.
Но и беде
Глумиться так доколе!
Наступит час,
И родины рука
Дотянется
До благодатной доли.

Ну, а пока
У смерти на краю,
В теснине мрачной,
Где темно и сыро,
Народ, что не устроил
Жизнь свою,
Ворочается больно
В теле мира.

* * *

В народе есть
Носители огня,
Хранящие в душе
Его простое семя.
Тебе – спасти людей,
И на исходе дня
Ты разведешь костер,
Когда наступит время.

Вернулся ты,
Вернулся в край родной.
Вот камень,
Вот зола.
Смотреть на них –
Мученье.
Ты возродил
Очаг затухший свой,
Вернув его
Горенью и свеченью.

Как сто веков назад
Костер горит,
Горит очаг родной –
Целебнейшее средство.
И тот, кто говорил,

Что здесь огню не быть,
Пришел-таки сюда,
Чтоб у огня погреться.

Огонь
В руках
Народа твоего –
Он ярче всех
Свидетельств и известий.
И правишь ты огнем,
И даришь ты тепло,
И никому
Не причиняешь бедствий.

Владимир Зантариа

БЕЛЫЙ СОН

Рассыпаны над морем паруса,
Как будто перья белоснежной птицы.
И белый сон мне тотчас вдруг приснился,
И белый цвет во мне не угасал.

Меня несло на крыльях птицы той.
В полете том все было необычно.
И главное – так было непривычно
Лететь над обесцвеченной землей.

Здесь все подвластно было белизне,
Подчинено. Но, видно, не напрасно
Я чувствовал себя не безопасно:
Я чувствовал, что я не на земле.

Рассыпаны по морю паруса,
Как будто перья белоснежной птицы...
И белый сон ушел и не простился.
Но так всегда уходят чудеса.

СПИТ МУЖЧИНА

Спит мужчина,
Пожилой мужчина.
Поседелый, спит он, как дитя.
Лишь на лбу –
Глубокая морщина,
Старости, тревоги, забытья.

Он давно не спал, как спит сегодня.
Далеко – война,
Шрапнель, шинель...
И далече дни те
Год от года,
Когда май сменил собой апрель.

Лишь вчера избавлен
От осколка,
Что давно
Впился ему в плечо,
Спит мужчина,
Нет ему упрека.
Спит, от ран и болей отлучен.

Не будите!
Он устал, не смейте
Будоражить сон его,

Друзья.
За окном
В войну играют дети,
И мальчишкам
Запретить нельзя.

Вячеслав Читанаа

КУСОЧЕК ЛЕТА

О как горевал я о лете,
Как лето хотелось вернуть!
Но осени поздней приметы
К теплу перерезали путь.

Ползли по долинам туманы,
И стягивал лужи ледок.
Зима неожиданно рано
Пустила в дома холодок.

И в доме сыром и безпечном,
Обиду в себе распаля:
«Ведь лету не быть бесконечно!» –
Себя успокаивал я.

За окнами стужа стояла,
И снег не сходил со двора.
Лишь душу мою согревало
Цветастое лето ковра.

Виктор Кокоскир

* * *

За полночь, но не гашу я свет.
Город спит в тягучем полумраке,
Только мне покоя нет и нет:
На столе моем взброс – бумаги.

Край окна уже трусливо заалел.
Я смотрю сквозь иней розоватый.
Как я много написать хотел,
Как боялся, что листов не хватит!..

Но остались вне бумаг и слов
Вовсе недалекое-то детство,
Первая недавняя любовь –
От которых не бывает средства.

Зыбкий свет сочится в темный двор.
Просветляя беспорядок давний.
А над миром – голубой простор,
Никому и ничему не равный.

* * *

Горы с младенчества душу тревожат мою.
Вот я стою у бездны самой на краю.
Сызмала был одержим единой мечтой...
Что там таится за зубчатой этой чертой!

Вот я поднялся, вот – одолел перевал.
Что же такого познал?
Там за хребтами, горы и горы опять.
Горы такие, что взглядом их не объять.

Этери Адлейба

СЛОВА

Здесь, в комнате моей,
Беснуются слова,
Паясничают,
Прыгают с карниза.
Так мельтешит в глазах,
Что голова
Кружится,
И душе моей не спится.

Беру гитару,
Шею опустив,
Забывшие я звуки воскрешаю.
Не те слова,
Совсем не тот мотив.
И все-таки гитара утешает.

Вновь дергают меня за рукава
Те замыслы,
Исполненные веры.

Но не даются
В руки мне слова...
Ведь я еще не мастер –
Подмастерье.

Лея Тванба

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Лейся же, лейся –
Первая песня,
Первая радость,
Гордость моя.

Будь же ты ново,
Первое слово.
Будь путеводным,
Словно маяк.

Есть ли умение,
Нет ли умения,
Други, без пенья
Дня не прожить.

Все я умею,
Только не смею
Словом и песней
Не дорожить.

Будь же ты ново,
Первое слово,
Будь же звездою
Мне навсегда...

Робкий и нежный
Подснежник надежды
Вдруг растопивший
Сомнений снега.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Терентий Чаниа
Георгий Зантариа

Терентий Чаниа

ЧАСЫ

Песенка для детей

На стене часы висят,
Тик-так, тик-так,
Словно в них сидит чудак,
Тики-рики-так.

Будет вечер,
Будет день,
Тики-рики-так,
Но часам стучать не лень,
Тики-рики-так.

Тик-так, тик-так,
Что-то тут не так.

Никакой здесь тайны нет,
Тик-так, тик-так,
Там колесики стучат,
Вот и весь секрет.

Будет вечер,
Будет день,
Тики-рики-так,
Но часам стучать не лень,
Тики-рики-так.

Георгий Зантариа

МАЛЫШ И ТОПОР

Как-то раз
Один малыш
(был он маленький,
как мышь),
Взрослым всем
Наперекор,
Вдруг решил
Украсть топор.

И украл,
И замахнулся,
На ольху...
И промахнулся.

Он хотел
Поднять топор,
А топор
Ему в укор:

«Я рубить ольху
Не стану,

Ты поверь
В мои слова:
Чтобы брать меня,
Пожалуй,
Надо вырасти сперва!»

ИГОЛКА

Что может иголка,
Простая иголка!
Она сиротлива,
Она одинока.

Но встретилась
С ниткой,
И быстрые руки
Заштопали мигом
Протертые брюки.

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Николоз Бараташвили

Галактион Табидзе

Отар Чиладзе

Виктор Габескирия

Николоз Бараташвили

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Соловей, в бутон влюбленный, щебетун неугомонный
Все молил немую розу с болью, в сердце затаенной:
«Удостой, меня, страдальца, быть свидетелем цветенья,
Долго ждал и буду ждать я, мне под стать долготерпенье».

Сонный ветер трогал ветки, и пространство над рекою
Наплывающего мрака наполнялось чернотой.
Лишь замолк певец усталый – месяц в небе появился,
И цветок в ночи безмолвной обреченно обнажился.

Соловей, во сне вдыхая аромат ночного лона,
Знать не знал, что это запах от раскрытого бутона.
Над землей когда вознесся свет нечаянной денницы.
И в лесу подняли гомон растревоженные птицы,

Соловей проснулся – Боже! – за ночь роза распустилась,
И певца больное сердце в траур вечный облачилось.
Лепестки роняла наземь распутившаяся роза,
Звал он птиц себе на помощь и в глазах стояли слезы:

«Я томился днем и ночью в синеве лесной прохлады,
Ждал расцвета розы милой, как таинственной награды.
Убежденный, что для розы нескончаема весна,
Знал ли я, что, распутившись, так осыпется она!»

МЕРАНИ

Мчись, дорог не разбирая, мой Мерани быстроногий.
Пусть беду пророчит ворон, ворон черный и злоокий,
Ты лети вперед, не зная ни преграды, ни запрета,
И развей, как горстку пепла, мысли мрачные поэта.

Если паводок нахлынет – рассечешь ты грудью воды.
Да тебе ли, конь крылатый, быть послушником погоды.
Не сочувствуй мне, Мерани, не уймут меня несчастья,
Но и ты не укрывайся от жары и от ненастья.

Там, на родине далекой, пусть меня осудят люди.
Пусть друзей своих не встречу, пусть любимая забудет.
Где настигнет ночь – не дрогнув, я приму скитальца
муки,
Звездам-спутникам доверю тайну горькую разлуки.

Кину ноющее сердце, как обломок давней страсти.
И с тобой умчусь, Мерани, от назойливой напасти.
Ты лети вперед, не зная ни преграды, ни запрета.
И развей, как горстку пепла, мысли мрачные поэта.

Пусть не буду захоронен я на дедовом кладбище,
Погребенья пилигрима пусть любимая не ищет:
Мне в степи могилу роет ворон черный и злоокий,
И песком засыпет ветер чужестранца прах убогий.

Пусть на мертвого, как слезы, опадут росинки с неба,
И над странником усопшим плачут коршуны нелепо,
Ты лети вперед, не зная ни преграды, ни запрета,
И развей, как горстку пепла, мысли мрачные поэта.

Что с того, что нам с тобою преградят дорогу грозы,
Супротив судьбы идущим не страшны судьбы угрозы.
Ты лети, гонимый страстью, пусть не злится рок
напрасно –
Ведь стремительность порыва только нам с тобой
подвластна.

Нет, бесследно не исчезнет наша давняя тревога,
Ведь останется за нами проторенная дорога.
И тропой, открытой нами, мой собрат вослед
промчится,
И беда его не тронет, и печаль посторонится.

Мчись, дорог не разбирая, мой Мерани быстроногий.
Пусть беду пророчит ворон, ворон черный и злоокий,
Ты лети вперед, не зная ни преграды, ни запрета,
И развей, как горстку пепла, мысли мрачные поэта.

МЕРАНИ

Вариант

Несется конь, где не сыскать дороги.
Злоокий ворон каркает вослед.
Мерани, мчись, покуда носят ноги.
Развей печаль, которой жил поэт.

Скачи, мой конь! В покое нету счастья.
Пусть град и ливень преградят пути –
Ты сам не укрывайся от ненастья
И всадника нисколько не щади.

Друзей, родных бессильны укоризны,
Я брошу все, чего бросать нельзя.
Где ночь настигнет – будет мне отчизна,
А звезды – беззаветные друзья.

Любви порыв истрачу по дороге,
Но нашу страсть, Мерани, не избыть.
Вперед, мой конь, покуда носят ноги.
Ничто не в силах нас остановить.

Пускай умру, не повидав отчизну,
Остыну, не оплаканный родней,

И коршуны, по мне справляя тризну,
Пьют кровь мою за мой же упокой.

Могилу ворон выроет злоокий,
Песок засыплет чужестранца прах.
Но ты скачи, Мерани быstroногий,
Назло смертям и недругам на страх.

И пусть судьба путей не указывает,
С тобой мы сами выбрали удел.
Вперед, мой конь, от всех житейских сует,
Никто, как мы, по воле не скорбел.

Неугасима страсть твоя, Мерани.
Ее подхватят, как струю огня.
И по дороге, проторенной нами,
Собрат промчит уверенней меня.

Несется конь, где не сыскать дороги,
Злоокий ворон каркает вослед.
Мерани, мчись, покуда носят ноги,
Развей печаль, которой жил поэт.

Галактион Табидзе

ДМИТРИЮ ГУЛИА

Спокойный в тревоге,
Упрямый в дороге,
Тебя восхваляют
Твои же дела.

Запомнят потомки
Твой голос негромкий –
Поэзии мудрой
Простые слова.

Ты вместе с народом
Прошел по болотам
И вышел к дороге,
Прорвав кабалу.

И стал ты кумиром
Нетленного мира.
Тебе твоя лира
Поет похвалу.

РИЦА

Я возвратился
В Абхазию вскоре.
Снова на Рице
Пробыл все лето.
Небо, как небо –
Не то, что горы.
Горы, как горы –
Не то, что небо.

Здесь я как ястреб
В любимом просторе.
Пусть это даже
Вовсе нелепо.
Но здесь ведь горы –
Не просто горы.
И небо над Рицей –
Не просто небо.

Где моя лира,
Где мое слово?
Запечатлеть
Это озеро мне бы.
Царской короной
Сомкнулись безмолвно
Горы,

Над Рицей
Вознесшие небо.

Снова в сомненья
Я погружен,
И не пойму –
Это явь или небыль.
Небо ли это,
В воде отраженное,
Или вода,
Отраженная в небе!

КОДОР

Облака вдалеке,
Паруса вдалеке,
Мчится ястреб
Вослед
Оголтелой реке.
По уступам крутым,
Сквозь расщелины гор
Вихрем вспененной влаги
Несется Кодор.

Но у моря лениво
Он катит волну:
Две стихии тревожно
Хранят тишину.
Море плещет едва,
И Кодор приутих:
Две стихии томятся
В смятеньях своих.

Ты, Кодор, в тесноте
Каменистых дорог
Был безудержен в ярости
И одинок.
Ты утесы взрывал,
Плавил глыбы камней

И бросал валуны
С отягченных плечей.

Что ж я стал вспоминать?
Не про то разговор;
До чего ж ты счастливый,
Свободный Кодор!

АПХЯРЦА

Словно тяжкое дыхание
Изможденного бойца:
Звуком сдавленного стопа
Повествует апхярца¹.

Как ветрам остервенелым,
Войнам не было конца.
Гибло все, но неизменной
Оставалась апхярца.

На обугленных угодьях
Пепла черная пыльца.
Не припомнит даже небо
Гроз, что помнит апхярца.

Янычары жгут селенья
И, довольные собой,
Гонят к морю горцев пленных,
Словно скот на водопой.

Но герой, что войску ровня,
Над грабителем встает,
И становится отравой
Давеча испытый мед.

¹ Апхярца – род скрипки.

Время рану не затянет:
Ненароком вспомнишь гарь
И покажется, что горы
Источают дым, как встарь.

Даже в блеклой непогоде
Угадав отлив свинца,
Глухо стонет, причитает
И страдает апхярца.

Будто с траурной молвою
Снаряжает в путь гонца
И скуля, и тихо воя,
Изнывает апхярца.

Это круг унылых звуков,
И в плену того кольца
Много, много всяких болей
Вспоминает апхярца.

Но сквозь лязг седых столетий
И сквозь гомон новых дней
Я все явственнее слышу
Песню радости твоей.

Отар Чиладзе

* * *

Ему помехой не были ни молния, ни гром.
Не поднимая головы, чтобы не видеть смерть,
Он все писал, он все следил за трепетным пером,
Не обрывал строки, боясь чего-то не успеть.

И ветер, ветер-лиходей деревья гнул в дугу,
И меркли улицы уже в пространстве за окном,
И тень, как пес сторожевой, ворочалась в углу.
А он писал, и колдовал, согбенный, над столом.

Из пепла минувших годов, из разоренных дней
Он призывал любовь свою и не подозревал,
Что непогода на дворе становится сильнее,
И, чародейством одержим, все яростней писал.

* * *

Прощай. Доволен я. Благодарю.
Научит многому разлука эта.
Судьбу свою я не боготворю,
Чужда мне страсть, навязанная кем-то.

И все, что было до недавних дней,
Произошло без моего участия.
Тетрадь моя утеряна, а в ней,
Быть может, и скрывалось наше счастье.

Недосказал. Иссохла, как сирень
От жажды, без чернил моя бумага.
И лает слово на несбитую мишень,
Как на далекую звезду собака.

КОМНАТА

Плакала женщина. Снег все валил,
Выступ впотьмах заполнял подоконный.
Чем-то на женщину он походил –
Суетный, слабый и неугомонный.

Может быть, это причуды теней?
В комнате стыли тревожно предметы.
Бледные лики хранили приметы
Вечной тоски по хозяйке своей.

Плакала долго, уткнувшись в постель.
Ветер за окнами ветки качал.
И снегопад, перешедший в метель,
Женщину эту напоминал.

КОМНАТА

Вариант

Рыдала женщина, а за окном впотьмах
Все падал снег, стирая гневно краски.
В суровых и заплаканных глазах
Светила схожесть с лютостью январьской.

Предметы растревожены не зря,
Они тревожно озирали стены –
Пугало их коварство января
И странные в хозяйке перемены.

Рыдала женщина. Бесстрастны и бледны
В завесе снежной очертанья сада,
И были тайной схожести полны
Гнев женщины и ярость снегопада.

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Тогда о таком же дожде ты мечтала.
Помню – мы где-то бродили с тобой.
Зря вспоминаю, забыто начало,
И ничего уже нет за душой.

В твоём угасающем голосе слышу
Снопов догорающих треск и возню...
Зонтик читает сырую афишу.
Трамвай уступает дорогу коню.

Дождь запоздалый, как старый мотив,
Некогда надолго памятью спрятанный,
Вдруг появился – нежданный, негданный,
Старые раны разбередив.

СИНЯЯ ЗВЕЗДА

Сердцем, разорвавшимся от счастья,
Вдруг в деревьях синяя звезда
Сквозь тряпье тумана проглянулась.

Дети – мы бежали по камням.
Я тянул твою худую руку.
Мне спасти хотелось для тебя
Эту угасавшую звезду.

* * *

Швырнули лодку в чернь песка.
Она лоснилась, как акула.
Я загасил в руке окурок,
Словно живого светляка.

Был вечер тусклый и сырой,
Такой же бледный, непогожий,
Как прошлый вечер,
Как любой...
Так мертвецы бывают схожи.

Виктор Габескирия

ЭПИТАФИЯ

Хоть в этом городе не раз я пировал,
Где над Курой возвысилась Метехи,
Я корки хлеба с тем не разделял,
Чья жизнь к гульбе сводилась и потехе.

Я труд любил, и в этом видел честь,
Дорогу жизни потом окропляя,
Я в гору шел, твердя и повторяя
«О, Грузия, тебе вовеки цвести!»

Теплу и солнцу радовался я,
Но если дождь дождал по всей планете
И паводок захлестывал поля,
Я знал, что свет придет через просветы.

Я плотогонов разделил удел,
Благословил я птиц, что в небо взмыли...
О, Господи, прости меня в могиле
За то, что большего я сделать не успел!

ВОРОНЬЕ

Когда январь просился на зимовье,
Когда в Тбилиси двинулась прохлада,
Я ваши пресловутые гнездовья
Видал на сучьях пушкинского сада.

Напоминая древние сказанья,
Манили вы в подземные владенья,
Но, суеверный, знал я предсказанья
И ненавидел вас за оперенье.

Сейчас, когда вы где-то за горой,
Скучаю – ни позвать, ни грохнуть дробью.
Стихи скучают точно так порой
По черно-белому подобию.

ВОЛК

Подол долин заполнил снегопад,
На горы тускло свет луны пролился,
С пригорка дальнего голодный волчий взгляд
В село вонзился.

Волк оглядел окрестность и затем
Стал пробивать в снегу дорогу.
Минутный страх стирала ночи темь
И тень, что сбоку.

Завидел свет. Надеждою гоним
В конец села он было устремился,
Как грянул выстрел... Снег пылал под ним.
Он в снег свалился.

И принял смерть на всем своем бегу.
И снова тишь, и снова снег заладил.
Зачем на развороченном снегу
Он одинокой тень свою оставил?

ШАНДАЛ

Его я с каждым днем люблю сильней
И не хотел бы выпускать из рук.
Из всех, из всех прадедовских вещей
Шандал остался, как безмолвный друг.

Из всех богатств, что в жизни приобрел,
Из всех богатств, что получил в наследство,
Лишь он своим немеркнущим огнем
Село напоминает мне и детство.

Уводит за руку – мне некуда спешить –
Так друг ведет тебя в минуты горя.
И этот свет не смеет загасить
Ни хлесткий дождь, ни ветер Черноморья.

Где б ни был я – пусть в лодке, на пароме –
Его сиянье, знаю, неизменно
Меня вернет в тот старый дом, который
И мертвый, и живой одновременно.

Он горстку света бросил в душный зал,
Что пахнуть стал, как пахнет преисподняя.
И всех родных, всех близких показал,
Которых нет среди живых сегодня.

АИҢАГАҚӘА
аурысшәахьтә

ПЕРЕВОДЫ НА АБХАЗСКИЙ
с русского

*А. Пушкин
Ф. Тютчев
А. Блок
С. Есенин
А. Ахматова
М. Цветаева
И. Сельвински*

Алықсандра Пушкин

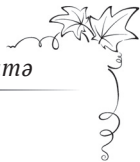
* * *

Сналагылон еипш Ижора
Ажәсан снатәпшит сара.
Аа, абар, мшәан, быбла тоура,
Быбла гәы-иатцәа ргәыкра.

Ааи, сыхнахит быпшра-бсахъа,
Ииашоуп - иамам бцәеижъ кыс.
Твер губерниае «апсцәаха»
Ахәсахәыцкәа исыртеит хъзыс.

Аха усгъы иамуит - бәапхъа
Сшьамхышгылартә икамлеит.
Насып смоуит сбыхәартә бааи хәа,
Уи азы беиласмырхеит.

Сцап хара. Исмазап ббаха.
Ауаа нагакәа рыгәта
Хампәада исхаштып бсахъа
Быхъыз, быжәла, бхәта.

Бзара-еихатыр, бнеишья, бтәашья,
Быбжьи нытцакшәа хут-хут.
Быпхашьяшья, быгызмалшья,
Цасхәа бычча – изып урт.

Ус анакәымха... Сышьтрақәлан
Шәҳабла-ссир ахь ғыц снеихап,
Шықәсык ашьтахь еиҫа саақәлап,
Еиҫах бзиа бызбалап.

Фиодор Тиутчев

* * *

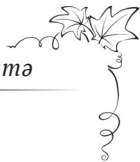
Еиҭах бызбеит, еиҭах иҕыхеит
Сцэаныррақәа, ипҭсхьаз сгәаҕы.
Сгәы ҕхаррак натцалан - издырит,
Урт амшқәа идырлашеит схы-сҕы.

Иадыруеит ус наскьатә тагалан:
Мышқәак набжьалоит ипҭхаза,
Пша-кәандак шааиуа, ҳакәа инталан,
Ҳдақәа иртысуеит игәыкза.

Хьыршәыгуп амшқәа урт иҳафсхьоу:
Агәаларшәарақәа сыркын,
Бара бхаҕы-лаша исызгәакьоу
Сазҕшуеит, агәахәара сартәын.

Хаипҕыртцны хшыказ, оума цызшәа,
Сгачамкны сбыхәапҕшуеит абар.
Избоит сгәаҕы шытыбжьқәак цысызшәа,
Исцәыызхьаз, икамкәа рхабар.

Агәаларшәарақәа, сгәы иамкыз,
Исхытцәа ицоит рыцәқәырҕара.
Бара бгукра аешеитанамкыз -
Сгәаҕы еицамкит сгәыбылра.

Алықсандра Блок

* * *

Икыдыз шәымза лашаза,
Насыһла шәтәыз - иреғу ҺеиҺшла.
Сгәәҫы ишәшьуп, ишәшьуп зынза,
Уахь ааҺын бзантцык изнеишам.

Лашарак мааиуа сыжәған хҕьоуп,
НасыҺдарала сыжәған хыбуп.
Уи аарла иубауа сыҺсы ауп,
Лашаран иубо - уи аҺсыҺ ауп.

Макьаназ ажәған лашазам,
Макьана хьтоуп. Азаза Һхьахәо,
Сгәеи-гәуеиуа снейеит, мчы змазам,
Акы затцәык мацара сахәо:

Икыдыз шәымза лашаза,
Насыһла шәтәыз, иреиғу ҺеиҺшла.
Сгәәҫы ишәшьуп, ишәшьуп зынза,
Уахь ааҺын бзантцык изнеишам!

* * *

Бааит харантə амѡахəастə иатцəала,
Бышьтə анакə инхылт иханто.
Инасыҕын ҳахьеизынхаз ҳхала,
Шьтə еилахəлоит ҳаилацəан ҳаштəо.

Алашьцара иаҳхытцəеит ишызбоз,
Иаҳхаҕеит амамикəара. Аха
Гəыла-ҕысыла Нцəа дхазтцаз, ибдыруаз,
Атцх лашьцараҕгы иҕхом шəахəа.

АСКИФЦӘА

*Панмонголизм. Шака ихъзы-цәыршаагои!
Аха уи ажәа сгу тнагоит сара.
Вл. Соловиов*

Тцәа җамам җарт. Акы җацәшәартә?!
Җаидыслап, шәааи. Уаф днымхац иаҗәагылаз.
Җаскифцәоуп җарт, ааи, җ-азиатцәоуп җарт,
Ашәа рхыҗәхәылоит җаблақәа лассы-ласс.

Җахәгәаран хрыбҗагылон есқынғы
Еимааибзоз Европее аманголцәеи.
Зегь шәнаҗачҗауа җааиуан, ааи зегьы,
Аха җамыхәеит, шәахра шәроуцәеит.

Җарт җагәнаҗа азәгы изымгац ус.
Кыыс шәымамкәа шәцарызшәа жәбонеи!
Ишәзеилмыргеит, ижәбазаргь цыашьахәыс,
Изықәшәақәаз Мессинеи Лиссабони.

Мрагыларахь зекьнашықәса шәыпҗшуан,
Еизышәыҗәхәон, еиқәшәыжыуан җмалқәа.
Шәанҗажәлаша җәа амшқәа шәыпҗхьазон,
Иҗакәыршан иҗакәкын шәыбзарбзанқәа.

Иааит аҗхәара.
Ашья каршуа
Шьыжь-шәаҭшь адәы инықәымлеит ус баша.
Игылт уи амш гыгшәыгтҭас ишьашуа,
Шәарт шә-Пестумқәа илықәцкәаа изгаша.

О, адунеиажә! Уаангыл, уҭшыз
Уҭсы заны, уқәыбаса умцарцаз,
Асфинкс аҗаҭхәа аҗ Едип дшыҭшыз
Иахтнықалақь–ду, Фивы, еиқәирхарцаз.

Асфинкс – Урыстәылоуп. Инаҭшуеит хара.
Иаҗытцкәасо ашья-еиқәатцәа ашыра,
Иухәаҭшуеит, иухәаҭшуеит иара,
Агәагыи агәыкреи еилазыкзас лаҭшыла.

Абзиабаратә ижәдыруеи шәара!
Шәыгәқәа цагәахан, ишәцәызит ацәанырра.
Җарт – хгәу былует. Уи еигҭш агәубылра
Шәканатдарын иаразнак шәрацәаххыран.

Җазыманшәалан аҳасаб нацънатә.
Ирыцхахшьон, хахызон игҭшқараху.
Агалл ихшыфгы җақоуп еилҗаргартә,
Алемсаа ргуртцкәыл ауҳамбаху!

Иахгәалашәоит, Париж, уңьаханым,
Венеция-блахкыга - ухьытәцара.
Уаххаштуам, умҕа-хахәчаһа ханын
Киольн-ақалақь, изхылтуа алҕа-еиқәара.

Ажы агьама бзиа ихамбартә?!
Иахзычхауам уи иара анхамам!
Шәахгәытәхәхәаны шәыбаф еилаһтәар,
Ижәдыруз - усқан кагы ххарам.

Аһхәыс-ткәа згәыжәла бааһсу лхьырхәра
Кагь атахзам, иумазар алшара.
Ае-хагақәа хазказоуп рмашә акра,
Рыргәакрагы иһтәартә еиһш рыбғашшара.

Ишәымузар – ихәуеи цәызс!
Харгы аимғуцәара хазказоуп даара.
Шәииһхьыз шәышьтархәап згәы тшьаахо
шәыхтылтц,
Ишәхылтуа, ишарамшхо абиһара.

Хшәыбжытәуеит наф.
Икалалалакгы хбап.
Европа-һагьа, уааскьа, уқәыла!
Хара аганахь хгылан хашәзыһшлап
Ишәзыхараму, гәагла итәу хафыла.

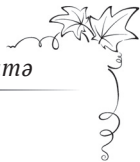

Урал ашыапахы!
Ишэзалаххыит атыҕ.
Ахы, шәеиха, шәаҕутны амақарра,
Аңыр-машынақәа руарқь-рыҕсып
Иаххытәаз амангол Ихтәы Хәынтқарра.

Аха, ижәдыруаз, шытарнахыс хара
Хаҳәгәаран хшәыбжәагылам.
Шәышнибартәауа, хгыланы хара,
Хаҕшлап. Шәцымхәрас, хгәы ҕтәеит,
хазжәылом.

Агәымбыл гунн - хқәацом хара тцаны! -
Шәыҕсцәа ирхәырц данцәыртца,
Шәуахәамақәа рҕы арахә еизцаны,
Шәжы-шкәакәа деилаҳаны, иеҳәакны
ианизуа...

О, адунеиажә, умҕахытц арахь
Уазыраззар уаттәтәи ашәаҕшы аира!
Аиҕызаратә аимтаҳарахь еиҕах
Харт, аимтәацәа, унанаҕхәауеит хлира!

Сергеи Есенин

* * *

Сгәырѡазом, сахьтәыуам. Сгәы еикәхәалан,
Сымшқәа иреигъу срышьтагъшуеит уеизгъы.
Ашәагъыцагъ инархъыст тагалан,
Сқәыпъшны уаха сыжәбарым саргъы.

Сгәы, изцәызыз анкәатәи агъхарра,
Мца-қьоукъадхан уаха уеибакрым,
Шъапеилых атәатцла рыккара
Сыѡуа сытқан уаха сыжәбарым.

Пхъан икәгъа-қәсуаз әеартынчит схәыцра.
Амца сфыкәыхәхә исхәарым сфәхәы.
Инеикәтәеит сцәаныррақуа рызхытцра,
Илеихәләцәеит сыблақәа ргъырғы.

Исзырбазеи, тынч, гурѡада сшыказ,
Сыгъстазаара – гъхызу, лабфәбоу? –
Сцазшәа снис аагъын шыжьыказ,
Сқәыпъшра-аеыхәа сышьхәақәа нарбо!

Уаароуп агъстазара. Уи хамтас
Ирымтац азәгъы – агәра шәымгеи!
Агъсабара алгъха умаз, иаакәлаз
Знык ушәтны уанытырц адунеи.

Бҗыда икәһаз сынча, тҗааи сии идырчалаз,
Сара сеигһштәкьа зхала адунеи ианхалаз,

Уаазгазеи, рыцџа, аблахкыга убама?
Баша сџыџа уналтџны џџак наурсырџ уаама?

Чарак ахтә аоныҥа ушцоз хыма-пҥсыма,
Умға уахнагама? Сынча, утанасыма?

Саргы сыжәа тызкыз ыжәроуп саазқәылаз.
Скылнагом сыфныка амәду сызнылаз.

Цъара җсатлак сҗылеит, аҗслыш
сҗыдхалеит,
Ашә шаххәоз уаҗа җытрак хаидхалеит.

Ргәы сырґыхон лафла, ашәа сҕәон сыхәмаруа,
Схы сымбоз сытґла-мшыны, сҕаф таны,
сҕарґаруа.

Уи азакəхəп, сеидру, гəхəрəк нəхəлən –
Са сызкəитым ɣхəыск леипɣш, тлəк
нəсгəйдсыхəхəлən.

* * *

Аккара цәажәеит бгырацәа бызшәала:
Иканаҗсеит ахъеиҗь, иканаҗса.
Ицоит жәфәнгәыла аҗкақәа хыхәхәала,
Ицоит, ицоит, ак хәаас иҗамтца.

Ирыцхаушьода? Җазынтәык хамфәсцәоуп –
Хныфнысны хцоит иссиру афнәта.
Азыҗь иахыкны амза ажәфән автцәф
Еицакрак зқәым ихышәашәоуп алақта.

Иссиру каршәрак, дәеиужьк сықәхеит схала.
Сфара сазхуца сгылоуп, сгурфәзом.
Хара инеиуеит аҗкақәа хыхәхәала,
Хнырхәышыа змам ишәыргыҗь сызхәазом.

Инысхыз баша саамта гурфәгам,
Ишәты-какачны иканзаз сыпҗсгы.
Җандарк җхеи-җхеиуеит скәатцараф тагалан,
Аха уи амца дарҗхәзом азәгы.

Саргы сафызоуп быҗкаҗсантәи атцла,
Лахәыхрак зфықәым сажәақәа нкаҗсо.
Ишәтып еиҗах, ибыбышхап ақәатца.
Са соуп иҗсытцәкьоу, хәхәрада иҗсуа.

Урт сажэакуа абгъыжэ еигъш зны еингалан,
Ус иацкъар гъшак, илеир шьамхахы,
Ишэхэа абас – аккарафы тагалан
Ахьџеижь иафызан итцлақэа рыбгъы.

* * *

Хқытаҕ дыкамызт илеипшыз, уи зегь рыла деилфачан.
Тата лһыраҳәеи лытцкапшы барфын шкәакәала
ихырчан.

Хәылһазык агәашә дынтытны, аанда ләавакны
днәскьон,
Амза-гьагьа, жәфан икьидлоз, иаатгылон, ишанхон.

Бзиа илбоз уака днеин, ус налөихәеит дааччан:
«Даәазәы дызгоит хатәпхәысыс. Бысызмгәан.
Сыбмырцъан!»

Лыблахатц гьажьит иаразнак, лхы-лҕы шыадахеит
зынзас,
Лыхцәыпһарақәа рөыртлан уака дхуруа рҕынархеит
матцас.

«Арһыс бзиа, аблагәыгра, счара шыкало лассы,
Даәазәы сышиццо уасхәарц сгәашә сынтытцит
иәхьазы...»

Икалазеи, анацәалбеит? Ашыкьыбжьқәа гоит цъара.
Чароуп, чара – иарбан уаха – кәашарами, кәашара!

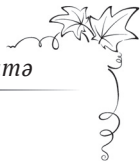
Еилатәоуп илағырзышо усқан Тата лтаацәа –
Ахтыпһ ануп Тата лылахь, рхы-ргәы далырхәеит рацәа.
Лшыа-цәыкбарқәа ашәт-какач еипһш
лылахь дырһшзоит уиәзгы,
Дарбан Тата илыцназгоз?
Тата дрылычқон зегьы!

* * *

Сфыза гѣакъа, бзиаала, унсыжьуеит,
Схы сырхоит сахъыкоу сцараны.
Хырѣашъа амам хайѣырттра, иудыруеит,
Сгѣы ахѣоит: хѣалом хайкѣшѣраны.

Сфыза, уѣаз. Иахъарнахыс суцым.
Аха уи иѣаумтѣан гѣырѣас.
Хадгъылаѣ аѣсра иѣыцу усым,
Аѣзаарагъ ѣыцым иара убас.

Анна Ахматова

АБЛАГУҒРА ХӘЫНТҚАР

Иамузеит уаха схьаа еиқәтәар –
Дкацәеит иаха аблагәыгра хәынтқар.

Ахулһаз шоуран. Издырт изызхәаз,
Схатца исеихәеит, афныка дахьяаз:

«Дшыказ шәарыцара иацбал ихъзеит.
Аңбажә-ду амтцан һсы ихамкәа дырбеит.

Дрыцхахеит ахкәажә, дзатцәымхеи зынза,
Уахык ала уи дканатцеит дышлаза.»

Итытыныжәга шытыихит, мацк даагшит,
Тцхабжьонтәи иусурахъ нас дыццакит...

Дцазар, дсырфыхап соуһшәыл-сыһха,
Лыбла-грацкәынқәа срызгәәкәа иаха.

Хгәашәәе еиқәхаһс еивағылт ачандар :
«Дыкам, дыһсит быблагәыгра, бхәынтқар».

Марина Цветаева

* * *

Абри адунеиаѣ,
цэгъашѣа иааѣсоу,
дыѣказам уда
сара исаѣсоу.

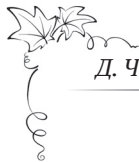
Абри адунеиаѣ,
амитѣ зыгроу,
дыѣказам уда
исаѣкароу.

Абри адунеиаѣ,
измымтѣѣо ѣсра,
сиѣѣшѣаран сыѣкам
исаѣѣоу сара –
уда.

217

АЛЕИМС ПОЕТЦӘА РҖЫНТӘ

И. Гюте
Ф. Шиллер
Х. Хәине

Иоган Гюте

АЖӘЕИЦШЬ

Дарбан ыырххыла инеиуа тыхла?
Иасуеит аурт. Иасуеит цэгъала.
Дейжәуп хатцак, ицкәын диехънуп,
Ахъта дамкырц дигәытцәхәхә дикыуп.

- Сыцкәын, ушәама? Ирлас хназоит...
 - Саб, абнаршәыраҕ Ажәеипҭшь думбазои?
- Ажәеипҭшь игъаз-гъазуа ихоуп агургъын...
- Анакә уажьеит, дад, абнахъ умҭҭшын.

«Ацкәын, акәыбча, са сахъ умҭахытц,
Ассирқәа сыҕоуп унапы иасыркырц.
Шәтыла, какацла сырхақәа қәтцоуп,
Сыбнақәа беиоуп, сызҕабцәа җшзоуп!»

- Саб! Саб, исеихәаз Ажәеипҭшь умахаи?
 - Сыцкун, иухьи, умшәан, ахахаи!
- Ушҭажъеи, сыцкун, – Анцәа хазша –
Атцла ирысыз, зыҕезырцәгъаз аҭша!

«Ацкәын, акәыбча, арахъ умҭахытц.
Сызҕабцәа уеиҕырбоит уматц рурц.

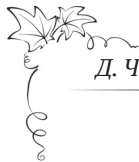

Стыҥҥацәа азымжықәа изса-зсо ирхыуп,
Рашәа гәытшыаага уара иузкыуп.

– Саб, абнаршәырахь уҥшы, улассы!
Иҥҥацәа ааиуеит аххәа рхыссы.
– Еижәагоуп, сыцкәын, тыҥҥацәам урт,
Аҥслышқәа еиланарзызоит аурт.

«Сгәы утытцәом узбеишьтеи, утеитыҥш
сгәаҥхоит,
Усыцымцар хаала-мчыла узгоит!»
– Дсеиҕазоит! Дсеиҕазоит! Сиумтан, саб!
Уи даасхысыр, сацәал цәҕахап!..

Иҥҥазатцәа дигәытцәхәхә днеиуеит дышътхыс,
Итцәаншьап ачыдаһаз имазам ус.
Имзырха дталеит, игәашә ааимҕһан:
Ицкәын дыхышәашәаза дыҕан.
Дыҥсхһан.

Фридрих Шиллер

АҢЦӘА РАШӘА

Ишәырлас, аҗызцәа, шәрықәтәа шәыгеқәа,
Иазаҳкып ҳагәқәа ахақәыитра,
Хрызцап урт ацәхәыра еиужьқәа, адәқәа –
Ахацәа рҕышәарта, ршәырта.
Убрахь ауп җамфәа, убрахь ауп җахьцо,
Убракоуп ахьдыру ахатца дзыпҕоу.

Хақәитрак аздырам ари адунеи,
Иамехакны иамоуп ахра-тәра.
Ашыыцра, ачархәра злоу ауаф-беи,
Уи иоуп иахьазы ауаф-хатәра.
Аҕсреи абзареи җәа җжәылап җырххы,
Аруаф еснагь дақәитуп ихы.

Җамшәакәа! Иарбан җарт җзыршәара?
Уи еигҕш кагь җаздырам, аиашаз.
Ишымариамыз аҕсра абла атаҕшра –
Җагәыдлон җыхәтцәыла җашиашаз.
Зәызтцәахәуаз зыфны ишәаҕьаны,
Җнеиуан, җыртынтцас аҕша рҕаҕьаны.

Дыкоуп ҕазы – каҕ ыгым дыхәжәарц,
Дхандеиуеит, дхандеиуеит иҕырхәа.
Ибҕа ҕеитцыхны ажәфан имбац,
Дцәытцоуп имхы дцәышлампырха.
Мазарак шиоура, дшазхуцуа, арыцха,
Иифоз анышә днақәхауеит ҕыцха.

Агәымшәақуа! Аҕыццышәқуа хрықәтәами харт,
Агәгәахәа хрызнеиуеит аханқәа.
Иахҕылоит – ишҕаруеи? – хталоит агәарҕ,
Азал иҕнаццоит ашьандалқәа.
Ахы агәареи хаҕсы рызцом,
Аха халаҕш зықәшәазгыы хәфсны хазцом.

Апҕхәыс хәыц, бзыхьтәыуеи, иалсызеи бгу?
Аанҕасшьа, бдыруеит, ихамам.
Хыхь – ажәфан, цәка – адгыл, урт роуп хәфнаргу,
Ххыбра, ханхартә здә хамам.
Цхәка, аҕызцәа! Ихәлаз – ишаз,
Абас иаҕитцеит Анцәа хазшаз.

Ахы, адауаҕшьқәа, ашькылқәа шәрынғыл,
Хьызрацара ҕыц хәазахкып.
Хталап адәыеиужь, хбирақ аанкыл,
Ахьырҕар, ҕшак нахәахарсып.
Иааигәазаргыы амш – дасу анаххацәоу –
Хәканатц хәказ хашҕыжәу, хашхацәоу!

Хаинрих Хаине

* * *

Исылшом, сдыркареит гəгəала,
Абасала срымоуп сыргəаҕ.
Шьоукы – рыбзиабарала,
Егьырт – ахьхытцауа ргəаг.

Исылшои мамзаргьи хаҕала!
Сшыркыц сыркыми ҕскы:
Шьоукы – рыбзиабарала,
Гəагшақə – аеашьоукы.

Урт иҕартцо уссгьи скəамызт.
Ба боуп сазыршыуа аҕəараг:
Ахааназ бзиа сыббомызт,
Ахаан ибымамызт сгəаг.

ЛИТОВТЭИ АПОЕТЦЭА РҰЫНТЭ

А. Дрилинга
И. Мачукиавичус
И. Иакштас
О. Балиуконте

Антанас Дрилингa

АЦСЦАРТАҚӘА

Әны умамзар
Амшынахь уца.
Амшын өнра узнауп.

Аөны умазаргы –
Уазца амшын
Уи иузеикөнархап уөны.

Ахшара умамзар,
Амшын ахь уца.
Амшын ағы дуоуоит ахтылтц.

Абзиабара умамзар,
Унхықөгыл амшын,
Ахьтәы-пҭсыз укып

Анасыпҭ лаша узаазгаша.

Ионас Мачукиавичус

* * *

Цъаракыр бызцома, сара бымѡагысымгар?
Ибызтои агуҭра, бзеигуҭра бысымтар?
Ашә ааимҕьаны дарбан ибҕыларә?
Атынчра ааста, кырза – азыбларә!

Бгәыразра, бгәыпшқара ироурым царта.
Ибоурушь мамзаргы бнапы-ссирқуа ргарта?
Быпшзарей быуаѡрей шықатәкьо гәатан,
Са сейпш беилкаатәкьян згу бзыбылуа дарбан!

ИГӘЫРЦШААГОУ ТАГАЛАН

Иахгәаларшәо амҗа хазнысыз,
Хнеиуеит, хучы-хуч хнаскьо,
Ипштәыдаһаз атцлақәа хрытцыс,
Атцәтәахәа азыпҗсы зхьыкәкәо.

Ипштәыдаһаз ххәыцра ирҗызан,
Абгъқәа ирыцәкапҗсоит ацәыкәбар.
Алашарбагақәа цәымзан
Рымцақәа ххацәоит абар.

Иаапҗсаз хгәыгҗа хьантыцъза
Ихра-зраауа ихыуп ипҗтаха.
Хгылоуп ицьоушьаратә хтынчза.
Афарқәа еижәылоит хаха.

Икәпҗа-қәсуеит афарқәа, икәпҗа-қәсуеит,
Ғымт харзыпҗшуеит, харзыпҗшуеит.
Абастәкьа хгәыгҗрақәа мҗасуеит,
Икәыбаса хгәыгҗрақәа цоит.

Хажәақәа ирымтасуа, иршәуа,
Бжы ххамшәа апҗша хканатцеит.
Шәыга-цәыршәагала ичышәуа
Тагалан зегьы ирыхьзахьеит.

229

Оне Балиуконте

* * *

Сразкы, кагъ сыумтан ус баша,
Ажәоума, шәтума – зегъ акоуп.
Сыркъал, исзымдыруа сахьцаша,
Сыһсы сәатца, сырғәаӀ – сазхиоуп.

«Абарт бнапы хәымгақәа роума
Сымтцәыжәфа шкәакәа хәа бызғыз?
Бара насыһда, бара боума
Етцәацаа рацлабра згәағыз!»

Сразкы, шәиила: «Ибҗеипшым бзиара!»
Усхыччо сыбла утаһшла.
Тцхабжьон уахычча сматанеира,
Сзырғыхо сытцәаабжъ – шыыжыла.

Сара издыруеит зхаткы сцаша,
Уи ауп еимыздауа блала.
Сразкы, кагъ сыумтан ус баша,
Исахәала: «ЦхьаӀа бцала!»

ЦхьаӀа хәа уаха акгы аныӀам...

ЗАМЕТКИ И РЕЦЕНЗИЯ

ОТ ПЕРЕВОДА К ОРИГИНАЛУ

Творческое наследие Иуа Когониа невелико, но то, что создано им, по праву вошло в сокровищницу абхазской лирики.

Первые переводы стихов Когониа на русский язык были осуществлены в связи с изданием «Антологии абхазской поэзии» (1958 г.). В конце прошлого года вышла книга избранных произведений И. Когониа в переводе, дающая русскому читателю более широкое представление о его поэзии. Предисловие к сборнику написал народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба. Он дал яркую характеристику творчеству Когониа и отметил особенности его поэтики.

Появление переводной книги Когониа – значительное событие в многонациональной советской литературе. Однако, как ревнитель поэзии Когониа, я считаю необходимым, отдавая должное кропотливому труду создателей книг, высказать ряд замечаний о переводах.

Иуа Когониа – мастер эпического полотна. Как справедливо замечает Б. Шинкуба, он «обогатил и развил жанр абхазской поэмы, причем именно в нем достиг наибольших поэтических высот. Его поэмы стали неотъемлемой частью духовного богатства нашего народа».

В сборник вошли все переводы, ранее представленные в «Антологии абхазской поэзии». Лишь поэма «Хмыч-охотник» появилась в другом переводе – Риммы Казаковой.

Кстати, ее перу принадлежит все новые переводы, а старые – поэтам Ю. Левитанскому, Д. Горлубкову и Б. Брик.

Для того, чтобы представить самобытность творчества Когониа, необходимо вспомнить слагаемые его поэтической индивидуальности: близость к фольклору – как сюжетную, так и стилистическую: употребление архаичных, но предельно выразительных слов, а также белого стиха и т.д. Поэт редко пользовался рифмой, но он обогатил стих внутренней рифмовкой и аллитерацией. Между тем переведены все произведения каноническим стихом. Переводчики совершенно пренебрегли особенностями поэтики автора. Поэтому-то многие стихотворения, утратив свою индивидуальность, выглядят безликими, непримечательными.

Языку Когониа чужды жаргонные выражения типа «толкать речь», грубые слова – «надуть» (в смысле обмануть), «колошматить» и т.п. Ему, как и вообще абхазской речи, не присущи уменьшительные слова, избыточные в переводах («домики», «тропки», «краешек», «ветерок» и т.д.).

За случайными эпитетами за штампами порой трудно разглядеть как авторскую индивидуальность, так и индивидуальность переводчика:

Все в нем строится наново.
Создавая зорю,
Глядя пристально на небо,
Я шепчу-говорю:
– Ах, ты ночь-раскрасавица(!)

Если прочесть это стихотворение, не зная имени автора, то и в голову не пришло бы, что это стихи абхазского поэта.

Ни в коей мере не помогает сохранить национальный колорит чрезмерное увлечение переводчиков иностранными словами и исконно русскими фразеологизмами и словосочетаниями.

В переводе стихотворения «Абхазия», например, есть такие строки:

Радуйся, земля, соседству с небом.
Колосись под этим небом светлым.

Абхазия, несомненно, щедрый, плодородный край, но ни пшеница, ни рожь в ней не растут, так что слово «колосись» здесь, видимо, не совсем уместно.

В тексте довольно часто сливаются слова, и стихи поэтому становятся неудобными для прочтения и для восприятия на слух. Вот, попробуйте прочесть строку «снег кло-чьями летит, как пух», чтобы не слились два первых слова. Это потребует некоторых усилий, а тот, кто читал Когониа в оригинале, знает, насколько слова в его произведениях легко читаемы и стоят строго на своем месте. По четкости слов, по их выпуклости и образности поэзия Когониа подобна чеканке.

Бытовые эпитеты не требуют от художника ни мастерства, ни усилий. И, очевидно, поэтому они повсюду встречаются в переводах («ослепительно бело», «раскатистый гром», «белая вата», «синее небо» и т.д. и т.п.). Но ведь в са-

мом слове «небо» столько синевы, что эпитет «синее» рядом с ним бездействует.

Пожалуй, единственно удавшимся и до конца выдержанным является перевод стихотворения «Прикованный», сделанный Р. Казаковой.

Он очень долго умирал,
Как будто бы от муки светел,
Все примерял да примерял
Нелепую одежду смерти.

Не преувеличивая, можно сказать, что в этом переводе полностью реализованы все возможности оригинала.

И вот он зарядил ружье
С мечтой отдать себя покою,
И сердце слабое свое
Нашел слабеющей рукою.
Он был себе и суд, и рок,
И оправданье, и расплата,
И он спустил тугой курок
С привычной храбростью солдата.

Я позволил себе процитировать сразу две строфы для того, чтобы еще раз подчеркнуть удачу переводчика.

Правда, и в остальных стихотворениях, хотя и очень редко, встречаются живые, яркие образы, например, «бестолковый табун убегающих скал».

Что же касается поэм, то единственно «читабельной» из них является «Навей и Мзауч» в переводе Б. Брика, уже известная нам из антологии. Как и все остальные переводы, он осуществлен посредством канонического стиха и хотя сам по себе и хорошо, но в данном случае не отражает авторской индивидуальности. Однако следует отметить, что сюжет поэмы удачно совместился с новой формой, и поэтому она не утратила эмоциональности. Зато, когда читаешь вступительные строки поэмы «Абатаа Беслан», невольно ощущаешь разрыв между оригиналом и переводам, несовместимость формы и содержания.

Был Абатаа знаменит,
Герой родного края,
И до сих пор о нем звенит
Молва, не умолкая.

Чеканный слог поэмы сменился какой-то невнятной напевностью. Поэтому хочу произвести сделанный мною подстрочник:

В Апсны рожденный Абатаа,
Витязь славный был в то время,
Светлый ликом,
Складный станом,
Он сверкал, подобно солнцу.

Ритмическому рисунку поэмы свойственны гибкость и пластичность, он подобен старинной вязи или древнему орнаменту. В переводе же этого не ощущается. Кроме ритмических нарушений, он содержит и много чего не говорящих читателю слов («звенит, не умолкая», «герой родного края» и т.д.).

Конечно, это еще не такая большая беда, когда нет формального соответствия перевода оригиналу: куда хуже, когда они стоят на разных ступенях качества. Ведь вышеприведенные строки, независимо от подлинника, - поэзия отнюдь не высокая.

А вот другая поэма – «Хмыч охотник».

Был первым ходоком охотник Хмыч,
Вот как-то раз далеких перевалов
Задумал Хмыч достичь и кинул клич.
С собой в дорогу самых храбрых взял он.

Первое, что бросается в глаза, – это разрозненные по мысли строки. Между тем в поэмах Когониа все строки каждой строфы органично спаяны.

Рифмующиеся внутри строки слова «Хмыч», «достичь», «клич» понадобились Римме Казаковой в качестве аллитерации, для того, чтобы перевод обнаружил некоторое родство с подлинником. Но дело в том, что Иуа Когониа пользовался аллитерацией как звукописью движения или действия, а не ради формы. Аллитерация у него – неотъемлемый элемент текста.

Любое произведение можно перевести хорошо лишь в том случае, если переводчик проник во все особенности оригинала. Поэтому здесь уместно процитировать строфу из стихотворения самого Когониа:

Сижу в потемках. Думаю. Скучаю.
Опять не стану зажигать огня.
Тревожно временами замечаю
Людей, не понимающих меня.

Иуа Когониа – виртуоз белого стиха. Прелесть его поэзии – в ритме, в мелодии, в звукописи, в движении. Разве можно при переводе отбросить эти элементы авторской индивидуальности?

Возвращаясь к началу, хочу вновь отметить, что само появление в свет переводной книги Иуа Когониа – событие немаловажное. Думается, что это всего лишь зачин, всего лишь исток тех неотвратимых и многотрудных поисков, которые неизбежно выпадут на долго будущих переводчиков поэзии Когониа.

*Денис Чачхалиа
«Советская Абхазия»,
22 августа 1972 г.*

ЗАМЕТКИ ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ГРУЗИНСКОЙ ЛИРИКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК. ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

*«Переводчики – почтовые лошади
просвещения»
А. Пушкин*

Поэтический перевод в русской литературе на протяжении двух столетий с начала своего формирования и по сей день является предметом жарких споров, жестоких анализов, дерзких экспериментов. Дискуссии вокруг этого вопроса никогда не ослабевали, напротив – накалялись изо дня в день, и сама практика художественного перевода заражала все больше и больше талантов, становясь для них неотвратимостью и насущностью.

Теория и практика русского стихотворного перевода со времен Ломоносова и Сумарокова, Гнедича и Жуковского, Пушкина и Баратынского, Михайлова и Фета круто шла в гору, и чем выше она поднималась – перед ней простирались все более необозримые горизонты, все более отвесные подъемы ждали ее впереди.

Художественный перевод – одна из древних форм культурного общения народов. По крайней мере Средневековье располагает примерами, когда произведение одного наро-

да, одной литературы, в переводе становилось духовным богатством и другого народа, как случилось, к примеру, с «Висрамиани», роман персидского поэта Фахр Ад-Дина Асада Гурани «Вис и Рамин» был переведен на картлийский язык неким армянином Саргисом из Тмогвии и стал культурным достоянием средневекового Абхазского царства и позже – грузинской литературы.¹

Чем теснее переводческий контакт, тем очевиднее диффузия, проникновение черт, присущих одной литературе в литературу иную и наоборот. Здесь наличествует взаимосвязь, взаимовлияние. Передаются стихотворные формы, метрика, способы рифмовки, колориты, образных систем. Уместно вспомнить в качестве примера хотя бы «Персидские мотивы» С. Есенина – «Шаганэ ты моя, Шаганэ!», «Я спросил сегодня у менялы...», «В Хорасане есть такие двери...».

Есенин стихов не переводил, но одержимость желания встретиться с Персией, с источником, с древнейшим очагом поэзии – привнесла в его творчество аромат далекой восточной литературы:

В Хорасане есть такие двери,
Где осыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хорасане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

¹Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. М. Учпедгиз, 1953. С. 28.

Аукающийся повтор первой и четвертой строк с еще одной рифмующейся в пятистишии строкой – уподобили ритмический рисунок есенинского стихотворения пластике восточной резьбы.

Переводческая деятельность отпечатывается, оказывает неизбежное влияние – как стилистическое, так и тематическое, на оригинальное творчество поэта. Примеров много и все под рукой. И сегодня, следя за творчеством современных поэтов, мы часто улавливаем запахи переводческого контакта с Арменией и Грузией, с Прибалтикой и Средней Азией, со славянскими народами Европы и др. При этой мысли у меня сразу же появляется невольная ассоциация с тихоновскими строками:

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Вспоминаются многие и многие стихотворения, циклы, связанные с пребыванием на родине переводимой литературы.

Грузия была, хотя поначалу, и ссыльным, но излюбленным местом русских поэтов. Она являлась своеобразной вотчиной музыки. Здесь, на Кавказе, создано не одно произведение, по сей день наполняющее гордыней как русский народ, так и народы Кавказа.

Русские поэты, верные традиции своих предшественников, искали и укрепляли свои контакты с литературами Кавказа и в советский период 20-го столетия.

Отсель начинает свое летоисчисление поэтическое братство двух народов. Брюсов переводит армянскую поэзию, многие века не имевшую выхода за пределы своего народа. Бальмонт становится первым переводчиком гениальной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», и по существу – возбудителем интереса широких масс своих соотечественников к истории и культуре грузинского народа.

В первый же год Советской Грузии (1921) в «Антологии новейшей грузинской поэзии» среди авторов переводов – Осип Мандельштам, явившийся первым переводчиком Важа Пшавела. В эти годы в Тифлисе и Батуме находит недолгое пристанище своей бесприютной душе Сергей Есенин. Целая плеяда русских советских писателей связывает свое творчество с Грузией. Среди них – Андрей Белый, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Максим Горький, Николай Городецкий, Николай Тихонов, Павел Антокольский, Николай Заболоцкий, Владимир Лифшиц, Михаил Лозинский... Затем – Александр Межиров, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина и другие. Нелегко пересказать словами всю ту деятельность, которую провели эти незабываемые для истории грузинской литературы и искусства, одержимые высокой страстью поэзии люди. Николай Заболоцкий стал автором второго блистательного перевода поэмы Руставе-

ли, Пастернак дал звучание на русском языке стихам Николоза Бараташвили. Русский читатель возымел возможность прикоснуться к стихам Тициана и Галактиона, Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили, Георгия Леонидзе.

В настоящее время эстафету перевода грузинской литературы переняло новое поколение – Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Владимир Леонович, Юнна Мориц, Станислав Куняев, Михаил Синельников...

Практика перевода породила множество и споров, и дискуссий, что в свою очередь вылилось в многочисленные теоретические работы, научные труды, статьи, рецензии, заметки. Однако, наш же теоретический идеал бежит впереди наших практических успехов, и несложно понять, что это видение красоты удаляется от нас тем дальше, чем ближе мы к нему приближаемся. Мы не можем в процессе творчества признавать недостижимость недостижимости, хотя в часы иные понимаем, что это хитрый двигатель красоты, удаляющийся от нас тем дальше, тем ближе мы к нему приближаемся.

Первая публикация Галактиона Табидзе относится к 1908 году. С тех пор, за полвека творческой деятельности, им было создано около десятка томов стихотворений и поэм, свидетельствующих о степени плодovitности их автора. Такое литературное наследие подстать целой эпохе. Творчество Табидзе впитало в себя очень много непосредственно из жизни, из событий, из фактов быта, предметом

его поэзии является все – и события века, и письмо друга, и мимолетное знакомство, и трагедия любви.

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно, –
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

Тематический и стилистический диапазон поэта невообразимо широк, как и географические дистанции его творчества. Стих Галактиона громок, всегда внятен, динамичен. Удивительно ритмическое разнообразие его поэтики. Рифма всегда щедрая, часто неожиданная. Слова в стихах, как звезды, свободно летящие в пространстве, каждое из них легко обозримо.

Поэзия Галактиона стоит в ряду первых, «экспортированных» русскому читателю из грузинской поэзии. С тех пор, как увидели свет первые переводы из Галактиона Табидзе, многое изменилось в жизни, в культуре, и не только грузинского народа.

В первое время русско-грузинского поэтического содружества наряду с переводами высокого качества, неизбежно были и неудавшиеся. Дело в том, что переводы, ранее включаемые в сборники с ознакомительной миссией, могут во многом не удовлетворить сегодняшнего русского читателя. А кто такой – сегодняшний русский читатель? Это кроме са-

мих русских, – подавляющее большинство представителей народов СССР, читающих на русском. Сегодня нет ничего легче, чем найти человека, знающего родной язык при хорошем знании русского языка. Многие грузинские читатели читают своих поэтов и в оригинале, и в переводе, и кого устроят ознакомительные переводы, когда есть любимые оригиналы.

Хороший перевод, как и хорошее стихотворение, не означает – безгрешное. Промахи естественны. Однако в оригинальном творчестве они чаще носят характер, не противоречащий духу стихотворения или автора. В переводе опасность возникновения чуждых поэту слабостей высока. Вот начальные строки «Синих коней»:

На туманные поляны льет лучи закат багряный,
Край посмертный, берег странный, неживая
кромка льда.

Не сбылись обещанья, не исполнились мечтанья,
Бесприютное молчанье воцарилось навсегда.

«Поляны», «льющие на них лучи», «закат» приземлили виденье поэта, расположили его в определенном месте на земной поверхности, и сбивают читателя с того, что видит поэт – «вечного края». «Бесприютное молчанье воцарилось навсегда» намекает на смерть, происшедшую сейчас, недавно, тогда как в оригинале все – вне времени, вне земли, лишь в пространстве. Не говорится о смерти, а говорится о том, что видится запредельный мир:

Как тумана наважденье, под цвет зашедшего солнца,
Отсвечивал берег вечного края.

(подстрочник)

«Не сбылися» – глагол в такой романсовой возвратной форме тяжело увязать с поэтикой грузинского поэта, поскольку этот глагол связан слишком очевидным родством с иноязычной почвой.

«Синие кони» – поэтическое изображение невообразимой стихии, полной необузданной страсти, волею безумия мчащейся в погибельный край – всепоглощающий, холодный и безмолвный.

Ритмика оригинала сама ломает строку пополам за счет дактилических окончаний хорея, и, по существу, в одном стихе заключены две строки. Вот схема ритма и рифмовки четверостишия:

/ - / - / - -, / - / - / - -,
/ - / - / - -, / - / - / - -,
/ - / - / - -, / - / - / - -,
/ - / - / - -, / - / - / - -.

Как мы видим, музыкальность стихотворения непреложна и сложна. Автор перевода столкнулся с серьезной с трудностью – в одной строфе восемь дактилических рифм, причем после одной троекратной, подряд повторяющейся

(а), идет опорная рифма (б), и после еще раз троекратно повторенных (а) идет вторая опорная рифма (б).

Стихотворение с невысокой музыкальной организацией можно и нужно переводить подобно оригиналу (могут преобладать образность, метафоричность, философичность, умозаключение).

Но как быть с произведением, где музыка преобладает, причем, музыка высокой организации. Как быть если притом велика и ассоциативность синтаксиса оригинала. С этой трудностью и вступил в борец Павел Антокольский, переводя «Синих коней».

Во-первых, он освободил перевод от дактилических окончаний. Это была вынужденность. Русская поэтика располагает весьма узким кругом дактилических рифм. Дактилические окончания очень эффектны, но в русском языке – редки. Велик соблазн рифмовать определениями (синие, сизое, мрачное, смачное...). Переводить так – значит обеднить стих. А переводить под диктовку оригинала, все равно, что служить одной (хотя и не пустяшной в данном случае) музыкальности, теряя между тем смысловую и образный дух произведения.

Итак, перевод избавлен от дактилической рифмовки. Метрический же ключ – сохранен. Но хореические стихи без внутренних и наружных дактилических окончаний стали сплошными, а не ломающимися пополам. Ритмика потеря-

ла порывистость. Вместо схемы: / - / - / - -, / - / - / - - получилась непрерывная схема / / - / - / - / - / - / - / - . Внутренняя рифмовка сохранена по той же схеме, что и в оригинале. Но это в первых строках. Далее перевод рифмуется и с одной недостающей в каждом двестишии рифмой:

_____	а
_____ а _____	б
_____	а
_____ а _____	б

Все эти трудности глубоко понимал переводчик и восполнял убытки аллитерацией. Вот следы осознанности музыкальных потерь и следы их воспаления.

Но проносятся в погоне сучья призрачного леса,
Чьи-то руки, чьи-то лица восстают из прежних дней.
Слышу: топот синих коней без объема и без веса,
Вижу: мертвых вереница обступает все тесней.

Что делает стихотворение музыкальным? – а) сучья, призрачного, чьи-то, чьи-то: б) дней, теней: в) леса, веса, лица, вереница... Кроме того свистящий ветровой фон создает множество слов с буквой «с» – леса, веса, проносятся, сучья, слышу, синих, обступает, восстают, все тесней.

В последней редакции перевода одна из повторяющихся и уже знакомых нам строк выглядит так:

Но проносятся в погоне ветви призрачного леса...

Для чего понадобилось в первом случае написать «ветви», когда безжизненные, уродливые «сучья» и к оригиналу близки и в созвучии с определением «призрачный» выигрывают в музыкальности. Не знаю, авторская или издательская эта правка, но я все-таки склонен считать неуместной такого рода замену.

«Вихорь прошлое унес...» – было в ранних редакциях. Это слово, подобно глаголу «сбылся» привносит в перевод чуждый привкус. «Сбылся» в последней редакции осталось-таки. «Вихорь» переиначился в современное «вихрь».

«Вихрь минувшее унес...»

Переводчик такую правку мог бы сделать тут же, в процессе перевода, но заменить «вихорь» на «вихрь» создавало вынужденное предпочтение слова «прошлое» слову «минувшее».

Ни о чем жалеть не буду, все, что кончилось, забуду,
И в подушечную грудь не пролью горячих слез.
Все исчезло, отзвучало, отмаячило умчало,
Без конца и без начала вихрь минувшее унес.

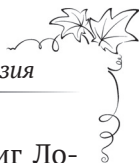

«В ледяных подушек груди не пролью горячих слез» – ранняя редакция, «И в подушечную грудь не пролью горячих слез» – поздняя редакция. Что все-таки означает «подушечная грудь»? У читателя может возникнуть мысль, что это – особый ритуал погребенья. В оригинале же – «вечная подушка», в подлиннике не имеющая прямой связи с предметами домашнего обихода. Переводчику стоило бы избежать «груды», обескураживающей читателя. Но это уже почти невозможно – рушится все двустиишие с рифмами – «груды», «не буду», «забуду».

Придирчивый, хотя и не полный разбор этого перевода был вызван тем, что здесь удачи и промахи выдают друг друга, сами создавая наглядность своей неуживчивости. «Синие кони» приведены не как пример легкомысленного перевода, далеко не так, а как пример не осилённых в полную меру трудностей даже при большой добросовестности и таланте переводчика.

Кто в лицо тебя узнает, кто по имени окликнет,
Кто по голосу услышит, отзовется кто мольбе?
Не услышит, не узнает и опять, опять возникнет –
Лес ветвями заколышет весь в уродливой резьбе.

«Синие кони» – по динамичности и стремительному движению поэтического сознания подобны «Мерани» Бараташвили, но более призрачные, более ассоциативные. И раз

вспомнился «Мерани», то хочется помянуть и подвиг Лозинского, единственно сохранившего структуру оригинала с его ритмическим двуначалием, блестяще реализовавшего его содержание и поэтическую страсть.

Одним из лучших в лирике Галактиона Табидзе считается стихотворение «Мери», относящееся к раннему творчеству поэта. Первым широкому читателю представил перевод этой трагедийной исповеди Б. Брик.

Дрожь твоих ресниц я видел, Мери,
Ты в ту ночь стояла под венцом.
И, как осень за порогом двери,
Никла опечаленным лицом.

«Никнуть опечаленным лицом, как осень» – это вымученный образ, не говоря о том, что такой тонкости, как «дрожь ресниц» в оригинале нет. Образ ничего не дал переводу, не сработал.

Вздрагивая, трепеща, пылая,
В круг горело множество огней,
Но чело твоё, о дорогая,
Было свеч таинственных бледней.

Надо ли доказывать, что патетическое «о дорогая»! здесь излишне, делает переживание лирического героя сомнительным, мешает читательской участливости. Определение

«таинственное» в обстановке недужной скорби и трагедии – случайно. Нет ничего таинственного в минуты жестокого венчания, напротив – все предельно обнажено, до отчаяния.

Купол, стены, облеклись в сверканья,
Роз струился легкий аромат.
Но уже, устав от ожидания,
Женщины молились невпопад.

В первой строке выбивается глагол «облеклись», но стоит на месте ненайденного слова. «Облеклись было бы уместно, когда авторский взгляд был бы вне храма, а поскольку взгляд окидывает своды – становится невозможным облачение сводов сверканием.

Вторая строка четверостишья – «роз струился легкий аромат» являет собой дешевую изысканность, чуждую исповедальному духу стихотворения.

Но уже устав от ожидания,
Женщины молились невпопад.

Эти строки хороши, хороши тем, что «женщины, молящиеся невпопад» передают нам неловкость и тревожность этого, по существу бесчеловечного венчания, создают атмосферу осознанности неверного деянья, заключенную в не согласованно молящихся женщинах. Союз «но» здесь излишен, нет очевидного противодействия, противопоставления. Здесь более подходяще «и».

Кто-то, перстня, растеряв каменья,
Горестно оплакивал его.
Сирий и достойный сожаленья,
День был не похож на торжество.

Даже сквозь косноязычие этих строк чувствуется настоящий рельеф, оригинала: между тем, как проходит венчанье, кто-то теряет глазок перстня и занят своей потерей. Суматоха делала величие обряда убожеством.

«Горестно оплакивал» применительно к владельцу перстня слишком сильно сказано и вызывает читательское недоверие. В переводе малейшей перегиб может поставить под сомнение целый образ, тем самым лишить его действительности.

Но о чем шептались ветви в небе,
Нам обоим, Мери, невдомек.
Знаю лишь – не мне сужденный жребий
Уносился с ветром, как поток... и т.д.

Перевод этого стихотворения, исполненный Б. Бриком, при смысловой близости к оригиналу, отдален от него художественным уровнем. Поэтому впечатляемость произведения оказалась во многом утраченной. Смысловый костяк стихотворения требует плоти, подобной той, что была у него в оригинале. Сумароков был прав в том месте «Эпистолы 1», где говорится будущему переводчику об авторе оригинала следующее:

Творец дарует мысль, но не дарует слов!¹

Творчество переводчика распространяется в области ненайденных слов к мысли, порой вторгается и в смысловое нутро произведения и заново сопрягает механизм логики с механизмом художественности, - звукозаписи, образности, ассоциативности.

Неудачу Б. Брика, столь «близко» переводившего «Мери», легко понять, если согласиться с высказыванием Н. Заболоцкого из его «Заметок переводчика»: «Успех переводчика зависит от того, насколько удачно переводчик сочетал меру точности с мерой естественности.

Удачно сочетать эти условия может только тот, кто правильно отличает большое от малого и сознательно жертвует малым для достижения большого».²

Я позволю себе привести параллельно полные тексты переводов стихотворения «Мери», выполненные Бриком (слева) и Ахмадулиной (справа) для того, чтобы показать насколько «отошла» переводчица от оригинала, смысловым подобьем которого (несколько ущербным) послужит близкий перевод Брика:

Дрожь твоих ресниц я видел, Мери
Ты в ту ночь стояла под венцом.

¹ А. Сумароков. «Стихотворения» (Малая серия «Библиотека поэта» М., «Сов. писатель». С. 131.

² Н. Заболоцкий, «Избранное». – М. «Худ. лит.». Т. 2. С. 286.

И, как осень за порогом двери,
Никла опечаленным лицом,

Вздрагивая, трепеща, пылая,
Вкруг горело множество огней,
Но чело твоё, от дорогая,
Было свеч таинственных бледней.

Купол, стены отлеклись в сверканья,
Роз струился легкий аромат,
Но уже, устав от ожидания,
Женщины молились невпопад.

Ты клялась, не сознавая, Мери,
Скорбь свою не в силах превозмочь,
И сегодня я уже не верю,
Вправду ль ты венчалась в эту ночь.

Кто-то, перстня потеряв камня,
Горестно оплакивал его.
Сирий и достойный сожаленья,
День был не похож на торжество.

Торопливо вышел я из храма.
Но куда? Отяжелел мой взор,

Ветер выл на улице упрямо,
Злобный день хлестал меня в упор.

В бурку я закутался плотнее,
Мысль одна терзала сердце мне...
Вдруг – твой дом, бессильно цепenea,
Тут же прислонился я к стене.

Так стоял я долго. Надо мною
Черных тополей шуршала мгла,
Шелестела сумрачной листвою,
Крыльями взлетевшего орла.

Но о чем шептались ветви в небе,
Нам обоим, Мери невдомек:
Знаю лишь – не мне сужденный жребий
Уносился ветром, как поток.

О, скажи: навеки неужели
Радость озаренья отошла?
Все ль мечты мои отшелестели
Крыльями взлетевшего орла?

Почему на небо так глядел я,
Словно свет звезды не мог помочь?

Почему «Могильщика» запел я,
Кто мою услышал «Я и ночь»?

В сердце, чуждом людям, чуждом миру,
Частый дождь усиливал тоску,
И заплакал я, подобно Лиру,
Брошенному всеми старику.

А вот перевод Б. Ахмадулиной:

Венчалась Мери в ночь дождей,
И в ночь дождей я проклял Мери.
Не мог я отворить дверей,
Восставших между мной и ей,
И я поцеловал те двери.

Я знал – там упадают ниц,
Колечком палец награждают.
Послушай, так колыцуют птиц,
Рабынь так рабством утруждают.
Но я забыл твое лицо!

Твой профиль нежный, твой дикарский,
Должно быть, темен, как крыльцо
Ненастной порой декабрьской.

И ты, должно быть, на виду
Толпы заботливой и праздной
Проносишь белую фату,
Как-будто траур безобразный!

Не хорони меня! Я жив!
Я счастлив! Я любим судьбою!
Как запах приторен, как лжив
Всех роз твоих... Но бог с тобою.

Не ведал, что я говорю, –
Уже рукою обрученной
И головою обреченной
Она склонилась к алтарю.

И не было на них суда –
На две руки, летящих мимо...
О, как я молод был тогда,
Как стар теперь.
Я шел средь дыма.

Вкруг дома твоего плутал,
Во всякой сомневался вере.
Сто лет прошло и, как платан,
Стою теперь,

Кто знает Мери,
Зачем я появился вдруг?
Где нищий я? И в эту осень
Я обезумел – перстни с рук
Я снимал и кинул оземь!

Зачем «Могильщика» я пел?
Зачем средь луж огромных плавал?
И холод бедствия терпел,
И «Я и ночь» читал и плакал!

А дождик лил всю ночь и лил
Все утро, и во мгле опасной
Все плакал я, как старый Лир
Как бедный Лир, как Лир прекрасный!

Лирический герой в переводе Б. Ахмадулиной не присутствует на венчании, а представляет его сквозь запретные двери. Кстати, удивляет наличие «дверей» в обоих текстах переводов, тогда как в оригинале они отсутствуют. Первая строфа ахмадулинского перевода, очевидно, непринужденно, невольно, но перекликается при метрической разности с есенинскими строками (и «дверьми», и пятистрочностью и способом рифмовки, наконец – неповторимостью дверей):

В Хорасане есть такие двери,
Где осыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.
В Хорасане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.
(С. Есенин)

Венчалась Мери в ночь дождей,
И в ночь дождей я проклял Мери,
Не мог я отворить дверей,
Восставших между мной и ей,
И я поцеловал те двери.
(Пер. Б. Ахмадулиной)

При всей отдаленности, переводу Беллы Ахмадулиной по степени впечатляемости, по эмоциональной напряженности нельзя отказать в близости к духу подлинника. Вот посмотрите, как реализуют переводчики наполнение одного и того же четверостишья: посмотрите, как Ахмадулина удачно восполняет один образный строй другим, теряя при этом фактические слова оригинала, но не теряя образа:

Ты клялась, не сознавая, Мери.
Боль свою не в силах превозмочь,
И сегодня я уже не верю,
Вправду ль ты венчалась в эту ночь.
(Пер. Б. Брик)

Слышал твою беззвучную клятву...
Мери, дорогая, и сегодня мне не верится.
Пытки понятны мне, но не понятно –
Это было отпевание или венчанье.
(Подстрочник)

И ты, должно быть, на виду
Толпы заботливой и праздной
Прносишь белую фату,
Как будто траур безобразный.
(Пер. Б. Ахмадулиной)

Противоположность «венчанье это или отпевание» – Ахмадулина возместила черно-белым контрастом единовременного торжества (внешнего) и скорби (по существу) – фатой, которая проносится подобно безобразному трауру.

Насчет «растерянных камней перстня» было уже высказано суждение, но не применительно к оригиналу, не в сравнении с настоящим положением дел в подлиннике.

Б. Брик, следуя оригиналу, правильно перевел принадлежность перстня – «Кто-то, перстня растеряв каменья...». Б. Ахмадулина «... перстни с рук я поснимал и кинул оземь!». Я одобряю последний выход лишь затем, что «победителя не судят». Переводчица, действительно, сумела вписать «перстни» в общую ткань переводного текста. Б. Ахмадулина виртуозно миновала этот «риф», не повредив

своего «судна». Б. Брик же перенес «потерявшего каменья перстня» в многолюдную толпу свидетелей венчания и дал ему возможность публично оплакать потерю.

Белла Ахмадулина сумела передать в переводе стихотворения те черты, пусть не многие, но составляющие характер оригинала: самое характерное в подлиннике заговорило в ее переводе в полный голос, не вымучено – это в основном и составляет впечатляемость ахмадулинских переводов вообще.

Б. Ахмадулина умеет читать подстрочник, безошибочно улавливая «большое» и «малое», безошибочно уличая и случайности в подлиннике, мешающие ей (как не умеющей с ними согласиться) и будущему переводу. Вот ее отношение к подстрочнику, выказанное на одном из зональных совещаний переводчиков в Тбилиси:

«Наверное, жестокие слова, сказанные о подстрочнике, очень справедливые, но я думаю, что мы можем не признаться друг другу в том, каким образом работали. Давайте будем делиться результатами нашей работы, и они скажут сами за себя.

Я не собираюсь упрекать Пастернака, в том, что он прибегал к подстрочнику, и мне, казалось бы, кошунством сказать это.

Я нежно отношусь к подстрочнику. Мне кажется, что подстрочник – это дитя, если так можно сказать, которое

беззащитно, оно жило на родном языке, и еще не определило новой жизни. Пока это дитя, с которым можно сделать, что угодно. Только настоящее искусство поставит, направит, усыновит это дитя...

Я не позволю глумиться над этим ребенком, не позволю сделать нечто дурное, пусть это будет всегда прекрасным. В наших условиях это обязательный технический прием, необходимый для художественного перевода. По подстрочнику только истинный поэт может понять символ стихотворения».

Этот символ ярко высвечен в переводе (далеком и близком) стихотворения «Поэзия – прежде всего!»:

О, друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня самого,
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.
Наши души белеют белее, чем снег.
Занимается день у окна моего,
И приходит поэзия, прежде, чем счет,
Прежде Светицховели и прежде всего.
Что же, город мой милый, на ласку ты скуп?
Лишь последнего жду я венка твоего,
И уже заклинанья срываются с губ:
Жизнь и смерть, и Поэзия прежде всего.

Для успеха перевода немаловажное значение имеет родство душ – близость творческих манер переводимого автора и переводчика. Характеризующие творческую статью Г. Табидзе – темперамент, броскость сравнения, смелость высказывания нашли резонанс в характере Б. Ахмадулиной: она как будто поняла, что вялым слогом Галактион Табидзе непереволим.

Вот подстрочник, каким примерно могла пользоваться Б. Ахмадулина, переводя «Поэзия – прежде всего!»

Пусть наши души будут белоснежной снега!
Друзья, до смерти будет
Радость моя в одном сосредоточена –
Поэзия – прежде всего!

Никто меня не видел остановившимся
На полпути к самопожертвованию,
Но светит (говорит) мне Светицховели –
Поэзия – прежде всего!

Если и родина меня не защитит,
Я умру, как подобает поэту.
Песня желания и сражения:
Поэзия – прежде всего!

Сравнительный анализ подстрочника и перевода дает право говорить, что переводчик понял и реализовал суще-

ство подлинника, сместив порядок строк, что-то упустив, что-то привнеся, но перевел по-настоящему на живой русский язык, что не было доступно русскому слуху.

Есть переводчики, скрупулезно подбирающие «ключики» к каждому образу, предстоящему перевести. На переводах Б. Ахмадулиной как, впрочем, и на самих стихах Г. Табидзе – печать вдохновения, позволившего одним дыханием поэтической страсти создать произведение. Но для того, чтобы так, одним дыханием перевести стихотворение, надо суметь наполниться от подстрочника, что, цитируя саму Ахмадулину, под силу лишь настоящему поэту. Перевод, как и оригинальное творчество – деяние таланта и вдохновения, состояния, не передаваемого ни посредством науки, ни средствами самого творчества. Это та же некольцованная птица, следов которой нет ни на земле, ни в пространстве, но приметы которой мы легко угадываем в стихах Пушкина, Тютчева, Блока, Ахматовой, Пастернака; ощущаем ее власть, перечитывая любимых классиков.

Не вдохновенье ли одолевало Пастернака, когда он склонялся над подстрочником «Синего цвета» Бараташвили! Конечно, тут был не только подстрочник. В первую очередь – высокоодаренный поэт, умеющий по косноязычию прозаических заменителей угадывать следы вдохновения далекого собрата.

Пастернак был полон различных впечатлений о Грузии, ее народе, языке, истории, культуре. Эти условия создавали благодатную почву переводческой деятельности.

Даже не столь глубоко задумавшись над тем, почему переводы, осуществленные с подстрочника, довольно часто возносятся над переводами сделанными непосредственно с оригинала, соглашаешься с высказыванием Л. Озерова: «Из двух качеств – талант или знание языка – в поэзии справедливо отдается предпочтение первому».¹

От неудач в переводе, как и в оригинальном творчестве, не убежены даже мастера. Истоки их бывают самые различные.

Во-первых, что такое переводческая удача – близкий по содержанию, но вымученный текст или стихотворение, хорошо читающееся на языке перевода, но с едва ощутимыми признаками первичной жизни? Наверное, ни то, ни другое – не перевод.

Справедливо замечает А. Беставашвили: «Зачастую говорят, что переводчик должен всецело подчинить свою личность личности переводимого автора. Это невозможно, и тем более невозможно, чем талантливей переводчик».²

Личность переводчика неизбежно привносит свой оттенок в переводную живопись. На переводном произведении остаются приметы двух наследственностей – автора оригинала и автора перевода. Но и тяжело не возразить, когда, к примеру, в стихотворениях Галактиона Табидзе слышим языковые и образные пристрастия Б. Ахмадулиной, порой начисто заглушающие аромат переводимой поэтики.

¹ Озеров Л. А. «Мастерство и волшебство». С. 180.

² Беставашвили А. Н. «Пегас и Мерани». («Мастерство перевода»), 1971. С.26.

Тебе тринадцать лет. О старость этих
Двух рук моих! О, добрый мир земной,
Где детские уста всех арифметик
Тринадцать раз смеются надо мной!
Я путаюсь в тринадцати решеньях –
Как весело! Как голова седа!
Тринадцать пуль отлей мне, оружейник,
И столько ж раз я погублю себя.
О, девочка, ребенок с детским жестом,
Привставшая над голубым мячом,
Как смело ты владеешь вечно женским
И мудрым от рождения плечом.
Я возведен – о, точность построения! –
Причудой несчастливого числа
В тринадцатую степень постаренья.
О, как шутник, твоя слеза чиста!

Это не перевод, поэзия Галактиона Табидзе в создании этого стихотворения едва ли принимала участие. Но, и принимая это стихотворение за оригинальное, можно оспаривать его поэтику. Мы сталкиваемся в данном случае с фактом, когда – говоря словами Ф. Искандера, «от оригинала остается сюжетный толчок, усохшее семя замысла».¹

¹ Здесь и далее Ф. Искандер цитируется по отзыву на мою дипломную работу (библ. Литинститута). См. Д. Чачхалиа «Абхазская лира», «Аква-Абаза». Москва 2010. С. 281-282.

Прочитай я это стихотворение, заведомо не зная об авторе оригинала, я сказал бы – это Белла Ахмадулина, но, уволь, никогда не посмел бы подумать, что это перевод стихотворения Галактиона Табидзе, поэта, горячо любимого самой переводчицей.

Б. Ахмадулина порой не умеет унять свою своевольность, и перевод до неприличности выходит за рамки переводческой вольности. Б. Ахмадулина навязала, неважно из каких побуждений, но навязала Галактиону Табидзе свои слабости, которые в ее творчестве нас могут иной раз умилять, но, прописанные Г. Табидзе, – они раздражают. Претензии подкрепляю подстрочником:

Тебе тринадцать лет, и это твой плен,
Что злит сонливость сердечной старости.
Вложите мне подряд тринадцать пуль –
Тринадцать раз я должен убить себя.

И пусть пройдут еще тринадцать лет,
Приведут к двадцати шести.
Косит коса высокий ирис (гвоздика).
Заставляет плакать время и мой стих.

О, как проходит молодость!
Беспощадна, как воля льва!
И как все наполняет тебя нежностью,
Когда близко солнце осени.

Справедливости ради надо отметить не случайность эволюция переводчицы в двух последних строфах. Поэтическим чутьем Б. Ахмадулина угадала по подстрочнику их вторичность, угадала, что первая великолепная строфа не получает полного развития в последующих. Переводчица обыгрывает мысль первой строфы и уходит из особенностей переводимой поэтики в свою, глубоко ахмадулинскую манеру.

Говоря о характернейшей черте Ахмадулиной-переводчицы, надо иметь в виду, что если слабые переводчики избегают часто трудных образов или просто не осиливают их, то Б. Ахмадулина, за редким исключением, умеет выхватить этот образ, безошибочно увидеть его значимость в сумбурном подстрочнике и дать ему полнокровную жизнь на русском языке. Даже в переводе «Тебе тринадцать лет», который я считаю несостоявшимся, заговорили-таки опорные строки стихотворения:

Тринадцать пуль отлей мне, оружейник,
И столько ж раз я погублю себя!

Оружейника нет в тексте, но его присутствие в переводе оправдывается, если вникнуть в причину возникновения этого образа. В оригинале, не «отлей», а «вложи», что неизбежно влекло бы за собой – куда вложить пули (в магазин винтовки, в ствол ружья...?). Б. Ахмадулина разумно увернулась от того, что могло перегрузить образ излишествами.

Вместе с тем, сделав магическим число 13, Б. Ахмадулина подчинилась ему – «тринадцать пуль», «тринадцатая степень постарения», что повлекло за собой многое, смазывающее поэтический облик Г. Табидзе. Хотя образ – «детские уста арифметик» мне глубоко понятен и небезразличен, я его мог бы прочесть без беспокойства лишь в стихах самой переводчицы.

«В одних случаях творческий перевод» – это синоним вольности, своеволия, еще больше – свободы от оригинала. Замечено, что такая вольность, такое своеволие, такая свобода от оригинала заходит подчас настолько далеко, что остается один шаг до произвола и хаоса».¹

Лев Озеров говорит в данном случае о частном в практике художественного перевода, с чем, к сожалению, часто сталкиваемся мы в жизни.

Обвинение Б. Ахмадулиной за перевод «Тебе тринадцать лет», выносится и высказыванием А. Беставашвили «за попытку подменить собой автора», за попытку «вместо его поэтики показать себя»...²). Справедливости ради подобное стоит говорить даже «жрецам» поэтического перевода, хотя не так просто сделать это человеку, с чувством высшего ува-

¹ Л. Озеров – вступительная заметка к статье М. Гаспарова «Брюсов и буквализм» // «Мастерство перевода». М. 1971. С.89.

² А. Беставашвили – «Пегас и Мерани» // «Мастерство перевода». М. 1971. С. 22.

жения относящемуся к Б. Ахмадулиной, как к поэту, так и переводчику.

В юбилейном издании лирики Галактиона Табидзе (издательство «Мерани», 1974 г.) незаслуженно был обойден ранний перевод стихотворения «Я и ночь», выполненный Валерианом Гаприндашвили, и заменен переводом Георгия Маргвелашвили. Предпочтение оказалось несправедливым:

Вот сижу и пишу. Лунный свет – словно дым.
И колеблет свечу ветерок-нелюдим.
Серебристая ночь ткет и вяжет печаль,
И сирени невмочь сбросить лунную шаль.

Перевод Г. Маргвелашвили даже при самом легкомысленном прочтении обнаруживает свою несостоятельность. Перевод легко уличим в банальности и рифм и образа. Дыхание высокой поэзии здесь подменено ходульной приподнятостью. Этот перевод не в состоянии достойно представлять сущность подлинника, он словно «старается компенсировать неизбежные потери за счет сомнительных завоеваний чужеродных языковых богатств», говоря словами Ф. Искандера.¹

При всех своих недостатках перевод В. Гаприндашвили несет печать более вдумчивого подхода, небезразличного (чего не скажешь о переводе Г. Маргвелашвили).

¹ См. сноску на с.26.

Перевод В. Гаприндашвили очень уязвим, но есть в нем что-то от первичности, от невыдуманности.

Ни кубок, полный влаги сладкой, ни женский вздох
в ночной тиши
Не в силах взять того украдкой, что спит на дне
моей души.

Ни один, ни другой перевод стихотворения «Я и ночь» не смогли передать действительности жизни оригинала, образной согласованности и символа произведения.

«Сопереживание и есть искусство поэта-переводчика»¹ – замечает Арсений Тарковский. Именно этого «сопереживания» не сумели достичь (пусть и в разной степени) оба перевода.

«... Работа переводчика – пример постоянного выбора вариантов, и что показало изучение многих текстов, плохие переводчики склонны выбирать слова наиболее общего значения.

Такие слова чаще приходят на память, их легче употребить: именно в силу того, что их значение не конкретизировано», – утверждал Л. Мкртчян.²

¹ А. Тарковский – предисловие к книге «Голоса поэтов». (стихи зарубежных поэтов в переводе А. Ахматовой:) М. «Прогресс». 1965. С. 8.

² Л. Мкртчян – «Поэзия в переводе». (Статья из сборника «Мастерство перевода», М. 1969, «Сов. писатель». С. 6).

Если перевод стихов Б. Ахмадулиной не всегда является переводом, то уж почти всегда – это хорошие стихи, на которых невольно останавливается взгляд читателя. Б. Ахмадулиной легче вовсе не переводить, чем переводить штампами, чем переводить уже «окольцованными» сравнениями, даже если они есть в подлиннике. Обвинить ли ее в том, что она не переводит художественные слабости! – Рука не поднимается, – значит это право переводчика.

Вот начальные строки стихотворения Г. Табидзе «Снег»:

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
Лишь бы помнить, как подле моста
Снег по-женски закидывал локоть,
И была его кожа чиста.

Многих слов, составляющих цитируемую строфу, нет в стихотворении Г. Табидзе, а те, что есть, совсем не из первой строфы. «Снег по-женски закидывал локоть, и была его кожа чиста» – в некотором смысле является благородным синтезом двух строк оригинала, далеко отстоящих в подлиннике друг от друга. Это строки – «снег лежал на мосту как девушка», «...вижу, вижу твои руки».

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
Лишь бы помнить, как подле моста
Снег по-женски закидывал локоть.
И была его кожа чиста.

Уважать драгоценную влажность
Снега, павшего в руки твои,
И нести в себе зимнюю важность
И такое терпенье любви.

Да уж поздно! О, милая! Стыну
И старею.
О, взлет наших лиц –
В снегопадье, в бархат, в пустыню
Как в уют старомодных кулис.

Было ль это! Как чисто, как крупно
Снег летит... И, наверно, как встарь
С январем побрататься нетрудно,
Не минуй меня, брат мой, январь.

Пролетанье и прохождение –
Твой урок я усвоил, зима.
Уводящее в вечность движение
Омывает нас, сводит с ума.

Дорогая, с каким снегопадом
Я тебя отпустил в белизну.
В синем, синеньком, синеватом
В том пальтишке – одну, о, одну!

Как подумаю – радуг неровность,
Гром небесный, и звезды, и дым –

О, какая нависла огромность
Над печальным сердечком твоим.

Но с тех пор властью всех твоих качеств,
Снег целует и губит меня.
О, запинок, улыбок, чудачеств
Снегопад среди белого дня!

Ты меня не утетишь свободой,
И в великом терпенье любви.
Всею синей и белой природой
Ты ложишься на плечи мои.

Как снежит... И стою я под снегом
На мосту, между двух фонарей.
Как под плачем твоим, как под смехом,
Как под вечной заботой твоей.

Все играешь, метелишь, хлопочешь.
Сжалься же, наконец, надо мной –
Как-нибудь, как угодно, как хочешь –
Только дай разминуться с зимой.

Если можно доверяться чутью, то я смею утверждать: хотя у Г. Табидзе нет «падения в уют старомодных кулис», но так мог бы сказать переводимый поэт. Однако, не могу сказать подобное по отношению к строкам «в синем, синень-

ком, синеватом в том пальтишке одну, о, одну». Во-первых – это далекое подобье галактионовских строк:

Мелькает, гаснет и опять мелькает
Твоя мантилья в этой пустыне (заснеженной)
и
Ты идешь одна, совсем одна.

Слуху, чувствующему нехарактерность для грузинской речи сюсюкающих слов – оскорбительны «в синем, синеньком, синеватом». Эти заигрывающие, ласкательно-уменьшительные слова чужды грузинской речи, поэтике народа и Галактиона. Такие просчеты непростительны любому переводчику, а Б. Ахмадулиной – ревнительнице поэзии Г. Табидзе, человеку, тесными узами связанной с Грузией – тем более.

Даже самому строгому судье тяжело обвинить Б. Ахмадулину в вольности, порой чрезмерной, и вот почему, – переводчица очень разборчива в выборе подлинника, хорошо улавливает основную грань оригинала и развивая ее по-своему, часто выходит за нейтральную полосу вольности. Вместе с тем, переводы Б. Ахмадулиной всегда отличаются непринужденностью, не вымученностью – естественностью художественного целого. Отсутствие примелькавшихся образов, литературных штампов говорит о чистоплотности поэтического сердца, о том, что Б. Ахмадулиной далеко небезразлично под чем она подписывает свое честлюбивое имя. Мне тяжело легкомысленно подходить к переводческому

творчеству Б. Ахмадулиной потому, что в ее неудержимо вольной манере явственно видна любовь к переводческому искусству. А то, что ей редко удастся натянуть поводья своей одержимости – невозможно не понять: это неукротимость темперамента, чего уволь ей лишиться. В этом – черта индивидуальности.

«Работа переводчика – есть состояние влюбленности. Переводчик – влюбленный человек. Ему ничего не жалко для того, чтобы предмет его любви был как можно лучше, чтобы цены ему не было. Все свои личные находки он бескорыстно и безвозмездно отдает поэту, которого он любит и почитает больше, чем самого себя».¹

Высказывание Л. Гитовича может выразить, как мне думается, подход Б. Ахмадулиной к переводческому творчеству. И, хотя я только что приветствовал неукротимость темперамента переводчицы – не следует понимать, что от необузданности таланта, переводящего должно страдать творчество переводимого автора. Первым и благодетельным желанием переводчика должно быть все-таки стремление передать ароматический комплекс подлинника как можно ближе к потенциалу. При этом образная система перевода должна укладываться в образную систему творчества переводимого автора, чтоб не было «синенького пальтишка» в динамичных стихах Г. Табидзе, которому чужды

¹ А. Гитович – «Мысли и заметки об искусстве поэтического перевода» // «Мастерство перевода». М. 1969. С. 367.

сентиментальность и любование. В данном случае перед нами просчет переводчика, что не стоит возводить до катастрофического.

Беря перевод «Снег» в целом – невозможно сказать, что это неталантливые стихи, как невозможно сказать, что это стихотворение Галактиона Табидзе, хотя, повторяю, - многое, в силу темпераментности манеры переводчицы, не чуждо общему звучанию поэзии переводимого автора.

Считать ли своевольный перевод, пусть это и талантливые стихи переводом? Или нет?

Гиви Гачичеладзе, критикуя Г. Маргвелашвили, в полемике, развернувшейся на страницах журнала «Литературная Грузия» в 1960 году, пишет следующее: «...когда Г. Маргвелашвили, стремясь защитить хорошие стихи с позиции художественности, ограничивается этим критерием, он, на наш взгляд, игнорирует специфику художественного перевода, забывает, что переводчик призван передавать художественную действительность подлинника, оригинала», и далее – «Г. Маргвелашвили судит о качестве перевода по его конечному художественному эффекту и воздействию на читателя».

С суровым положением Г. Гачичеладзе невозможно не согласиться. Это, по-моему, самый бескомпромиссный подход, каким и должен быть всегда подход к искусству. Точность решения обезоруживает – «перевод должен отображать художественную действительность оригинала».¹

¹Гачичеладзе Г. К полемике о переводе. // «Литературная Грузия» №6, 1969.

На высоком художественном уровне выполнены переводы И. Дадашидзе. Он не навязывает ничего своего автору оригинала. Вместе с тем, проявляет творческую находчивость. Вот начальные строфы из стихотворения «Всю ночь он брел по улицам пустым»:

Всю ночь он брел по улицам пустым
И в сумраке,
Меж небом и землею,
Качался дождь, стучал по мостовым,
И ветер пел и плакал над Курюю.
И город спал.
В его невнятном сне
Все тот же дождь урочался устало...
Кончалась ночь,

И в смутной вышине
Медлительно и нехотя светало...

Это непринужденный перевод без привкусов переводческих специй, что оправдывают порой, как индивидуальность переводящего. Ф. Искандер выразил свое отношение к изобразительному арсеналу переводов следующим образом: «Полагаю, что языку переводных произведений должна быть присуща некоторая скромность в использовании чересчур окрашенных национальным колоритом слов и оборотов речи. В этом отношении истинным чудом могут

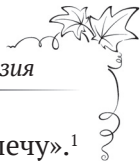
служить переводы Маршака из Р. Бернса. Тут именно та сознательная скромность словаря при феноменальной гибкости в использовании языковых и ритмических средств».¹

Подобные высказывания в переводческой критике уже были. Однако переводы еще не избавлены от этих «чересчур окрашенных национальным колоритом слов и оборотов речи». Многим современным переводчикам ничего не стоит оперировать при переводе «плюшками», «раскрасавицами», «жар-птицами» там, где их быть не может.

Отказ от использования подобного лексического слоя ли намеренное обеднение языка перевода? Едва ли! Во-первых, подобные слова в переводе, к примеру, грузинского писателя все равно, что жабо на черкеске горца. Во-вторых, это никак не обеднение словаря, поскольку язык художественного произведения – это не изысканность слов, а порядок – умение неповторимо и свежо сочетать их. Наполнение слова, которому поэт предпослал определение, становится свежей его будничного содержания, зафиксированного в толковых словарях. Это уже не просто черточка, а живая часть рисунка, выражающего характер события.

«Перевод – не похлопывание по плечу», – пишет в своих заметках об искусстве А. Гитович, – «не взгляд, устремленный сверху в них», предупреждая легкомысленно относящихся к этому, в высшей степени благородному искусству.

¹ См. сноску на стр. 16.

А как часто мы сталкиваемся с «похлопыванием по плечу».¹
Читаем новый перевод стихотворения Г. Табидзе, осуществ-
ленный Л. Теминым:

Возница, вперед!
Мне взглянуть бы на горы! Они
надели зеленое в эти весенние дни.

Чьи это пресные строки?! Конечно же, не Галактиона Та-
бидзе! А русскому читателю откуда это знать! Перед ним,
русским читателем, лежит одно из известных стихотворе-
ний грузинского классика. Представьте, какое печальное
представление может возникнуть о творчестве Г. Табидзе,
если одно из лучших стихотворений настолько убого и бес-
помощно. Включение этого перевода в юбилейное издание
лирики Г. Табидзе говорит само за себя. Говорит о том, что
новый перевод выступает в роли самого авторитетного из
имеющихся. Между тем, обратимся к старому переводу:

Друг, возница,
Кони скачут в темноте полей пустынных.
Вновь хочу я видеть склоны гор гурийских
темно-синих,
И обвить весенним лавром море мыслей!
Так гони же лошадей!
Пусть до зари я горы синие увижу!

¹ А. Гитович – «Мысли и заметки об искусстве поэтического перевода»
// «Мастерство перевода» М. 1969. С. 378.

В переводе В. Державина много своих недочетов, но в близости к ритмике и художественному уровню он все-таки выигрывает. И перевод Державина, и перевод Тенина образительными средствами напоминает торжественность оды. Да и вообще очень многие переводы из национальной поэзии невольно получают архаическую стилизацию. Если не знать эпохи, в которой творил Табидзе, по некоторым переводам его запросто можно отнести ко временам Батюшкова и Баратынского.

Прозорливый взгляд талантливого переводчика, как утверждает Б. Ахмадулина, может во многом понять оригинал, но ведь человек, не владеющий языком, не может подозревать о многозначности неприхотливого порой слова из подстрочника. Если одно русское слово имеет свыше десятка значений, зафиксированных лингвистами, а в художественной фразе может приобретать и не предусмотренные бытом оттенки, то значит ли это, что грузинский адекват обладает той же смысловой радугой. Какой подстрочник может дать исчерпывающую характеристику и этимологию иноязычного слова!

Есть слово «слабость» и в русском и грузинском языках. Переводчик не знал всех смысловых путей, выбрал более первобытное, и доволен – перевел! Он употребил это слово не с тем смыслом, которое мы ему придаем, говоря «женские слабости», а в лобовом, как физическую неполноценность, хилость. Случайность?! Нет! Переводчик, плохо зная

и не чувствуя русского языка, с которого переводил, – не сумел заподозрить, что у слова «слабость» есть более тонкое значение, чем у той слабости, которую безошибочно употребляет в родной речи.

Убережен ли переводчик, переводящий с подстрочника, от таких казусов? Утвердительно можно ответить лишь в том случае, когда ему будет дана исчерпывающая консультация по тексту. А кто ее даст?

Не потому ли «уста», да еще «самозабвенные» делают стихотворение «Горы Гурии» в переводе Темина переслащенным мадригалом. При известной гибкости употребления слова «уста» и других неуютно окрашенных слов, видимо, возможно избежать хотя бы их броскости в переводе, но опять-таки лавировать может талант, заведомо учувший опасность.

«Тростинки-красавицы» – это буквальный и вместе с тем извращенный перевод того, что было в подлиннике.

«Тростинки-красавицы, исполненные огня...». Что за языческая поэтика! – воскликнет русский читатель и будет прав в своей отчаянности.

Некоторые переводчики близоруко полагают, что употребив несколько раз в переводе кавказского поэта – «лавины», «обвалы», «потоки», «кинжалы», «орлы» – они создают колорит.

Между тем, колорит заключается не только и не столько в словах, сколько в образном мышлении переводимого автора и его народа.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ДР – Дипломная работа. Стихи и переводы (1971–73 гг.) из дипломной работы выпускника Литературного института им. Горького Д. Чачхалиа.

ДТ – Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа в Пицунде.

НТ-74 – Нахичеванская тетрадь, 1974 г.

ОБ АВТОРЕ

Денис Киршалович Чачхалиа (абх. Денис Къыршьал-ипа Чачхалиа) — абхазский писатель, историк, переводчик. Член Союза писателей СССР (1984), Союза писателей Абхазии, Союза писателей России. Родился 21 августа 1950 года в Ткуарчале в семье абхазского поэта Киршала Чачхалиа. Закончил абхазскую среднюю школу-интернат в Сухуме.

В 1973 году окончил отделение художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького в Москве на семинаре Л. Озерова. После института трудился в должности корреспондента газеты «Советская Абхазия» в Сухуме, а позднее — литературным консультантом Союза писателей Абхазии.

В начале 1980-х публикует прозаические произведения, стихи, драмы. Отдельные рассказы писателя были переведены на иностранные языки.

С 1984 года член Союза писателей СССР.

С 1984 по 1989 годы преподавал в Литературном институте в Москве, являясь руководителем творческого семинара по переводу абхазской поэзии и прозы. Популярны его переводы на абхазский язык произведений А. Пушкина, С. Есенина, А. Блока,

А. Ахматовой, М. Цветаевой, из немецкой поэзии — Гейне, Гёте, Шиллера, а также переводы на русский стихов абхазских поэтов Дмитрия Гулиа, Иуа Когонии, Баграта Шинкуба, Киршала Чачхалиа, Анатолия Аджинджала, Бориса Гургулиа, Таифа Аджбы, Геннадия Аламиа, Рушбея Смыра, Владимира Зантариа, Вячеслава Читанаа. Переводил из грузинской поэзии на русский язык стихи Н. Бараташвили, Г. Табидзе, В. Габескирия, О. Чиладзе, а также стихи литовских советских поэтов. В 1991 г. основал и возглавил в Сухуме Литературный фонд Союза писателей Республики Абхазия. В настоящее время — заместитель председателя Правления Союза писателей Абхазии по зарубежным связям.

ТРУДЫ

Литературные

- «За чертой горизонта» (сборник стихов), Сухум, 1976
- «Два неба» (сборник стихов), Сухум, 1982
- «Степень родства» (сборник стихов), 1985
- «Брод одинокой ольхи. Рассказы и драма», 1988
- «Смоковница», рассказ, 1988
- «Абхазская лира» (избранные стихи и переводы), Москва, «АКВА-Абаза», 2010.

Научные

- «Абхазская Православная Церковь. Хроника. Прибавления», Москва, 1997
- «Хроника абхазских царей», Москва, 2000
- «Абхазская школа византийской архитектуры», Сухум, 2012
- «Трехпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда». Москва, 2016.
- «Храм Куач-ныха близ Нового Афона. Абхазия», Москва, «АКВА-Абаза», 2018
- «Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978-1014», Москва, «АКВА-Абаза», 2019

Отдельные публикации

- «Он правил Египтом» [О султани-абхазе Али Бее аль Кабире] // Алашара. 1984, № 9
- Самобытный стиль абхазской архитектуры // Советская Абхазия. 1986, 29 мая
- «Моквский кафедрал» // Апсны аказара. 1989, № 1-2. (на абхазском)
- «Абхазская святыня старого Сочи». О почитании очажной цепи на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1998, № 1
- «Древности твои Ткуарчал» // Ткварчельский горняк. 1991, № 42-44

- «Мы джигеты, народ вольный». [О княжеском роде Гечба] // Республика Абхазия. 1992, 21 июня
 - «Под сенью векового дуба» // Российская историческая газета. 1998, № 1
 - «К истории Красной Поляны и ее окрестностей» // Джигетский сборник» вып. 1, Москва, 2012
 - Историческая топонимика Большого Сочи сер. XIX в. (фамильно-родовая номенклатура) ДС, 1, 2012.
- Редакторская работа серии «Абхазия в письменных источниках»
- К. Серена «Путешествия по Абхазии», Москва, 1999 (пер. с французского)
 - Ф. Боденштедт «По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии», Москва, 2002 (пер. с немецкого)
 - Э. Мартель. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. Москва, 2004 (пер. с французского)

ПРИМЕЧАНИЯ

Переводы с абхазского на русский язык

С. 12. «Итак, моя книга...». Стихотворение-эпиграф. Было предпослано Дм. Гулиа своему первому поэтическому сборнику.

С. 13. «Мне говорили в детстве часто...». Переведено в 1972 г. Входило в дипломную работу. Ознакомившись с этим переводом и переводом стихотворения «В море, ненадолго притихшем...» писатель Георгий Гулиа (сын Дм. Гулиа) включил их в издание – Д. Гулиа. Стихи и поэмы. «Художественная литература», 1974 г. Серия «Библиотека поэта».

С. 14. Родина. Это стихотворение известно также в переводах нескольких советских поэтов.

С. 16. Апсны! Апсны! Это и последующее стихотворение являются первым опытом перевода стихов абхазского поэта из Турции, выдающегося деятеля абхазского зарубежья Омара Бейгуа. Опубликованы в газете «Советская Абхазия» во время пребывания поэта и ученого в отечестве.

С. 19. Зов Абрскила. Абрскѝл (Абраскил) – герой сказания. Был заточен в сырую пещеру и прикован цепями к столбу за богоборчество. Абхазский Прометей.

С. 33. Дмитрию Гулиа. Кажется, это первое стихотворение-посвящение в абхазской поэзии. В те годы редко кто мог оценить деятельность Дмитрия Гулиа столь высоко, предугадать значимость его творчества для судеб абхазской словесности и развития общества в целом. Вспоминаются стихи Пушкина к Чаадаеву. С точки зрения мастерства стихосложения это стихотворение Михаила Лакербай не знает равных в абхазской поэзии тех лет.

С. 38. «Ты помнишь – входили мы...». Это и последующее стихотворения были переведены в студенческие годы и вошли в дипломную работу.

С. 43. Поэта песнь не расстрелять. Стихи написаны на смерть Пабло Неруды. Переведены мной по настоятельной просьбе Б. Шинкуба, который хотел, чтобы его отклик был опубликован в русскоязычной газете сразу же после сообщения о гибели Неруды. Все происходило на фоне репрессий послевоенного переворота в Чили и прихода к власти генерала Пиночета.

Б. Шинкуба был лично знаком и неоднократно встречался с Пабло Нерудой во время его пребывания в Абхазии. Поездку в Советскую Абхазию Неруда описал в книге воспоминаний «Признаюсь, я жил!».

С. 46. «Этот час неминучий настанет...». «Шиц-нани» – неперенный припев-рефрен абхазских колыбельных песен.

Радéда – песня привода невесты в дом жениха. Свадебная.

С. 47. Райда-гуца. Песня душевного расслабления и смирения. Рефрен многих песен аналогичной тематики.

Петух – символ предвиденья. Вещун.

С. 49. «Слова любви не знают...». Переводы из К. Чачхалиа относятся ко времени после смерти отца. (1970 г.). Вошли в дипломную работу. Были опубликованы в книге К. Чачхалиа «Стихи рождаются в полночь», Сухум.

«Опять, опять прикован я...». Предсмертное стихотворение Киришала Чачхалиа.

С. 51. «В этот город порой наплывают туманы». Часть стихотворений А. Аджинджала переведены мной во время учебы в Литературном институте. В те годы на Высших Литературных курсах при Литинституте учился А. Аджинджал – уже известный абхазский поэт. Другая часть стихов поэта была переведена по моему возвращению в Сухум в период работы в газете «Советская Абхазия».

«Сасры́ква». Герой абхазского эпоса. Сбил стрелой звезду и огнем упавшей звезды обогрел и спас своих братьев, вместе с которыми застрял в горах в лютую стужу.

С. 58. «Верил я, что покорю...». Ерца́х (Ерцаху) – одна из самых высоких, а главное труднодоступных вершин Абхазии.

С. 72. «Я поднялся на Мтацм́нду...». Мтацминда – в переводе с грузинского означает «Святая гора». Возвышается над городом Тбилиси. В русской традиции также называется горой Давида. На вершине горы расположен Пантеон выдающихся деятелей Грузии. Там погребен поэт Галактион Табидзе.

Мери. Имеется в виду Мери Чачба-Шервашидзе – красавица, фрейлина русской императрицы, которой поэт посвятил страстное стихотворение. Русским читателям это стихотворение известно в замечательном переложении Б. Ахмадулиной «Венчалась Мери в ночь дождей...».

С. 79. Наставленье Абраскилу. Абраски́л – герой-богоборец. Так его интерпретируют специалисты по фольклору. Стал символом стремления к свободе. Абраски́л был заточен своими врагами в пещеру и прикован цепями к столбу. Каждый раз, когда ему остается совсем немного, чтобы вырвать столб, невеста откуда прилетает птичка и садится на столб, который снова вбивается в землю.

С. 83. Родник. Был переведен в августе 1978 года. Перепи-сан из черновика 25 февраля 2000 года. Публикуется впервые.

С. 88. В жару. Махаджи́ры – (из араб. – паломник, странник). Здесь – изгнанник. Так называют абхазы своих соотечественников и других горцев Кавказа, изгнанных в середине XIX столетия в пределы Османской империи.

С. 93. Апсны́. Апсны, Апсы́нра (абх.) – Абхазия.

С. 96. Стихи Геннадия Аламиа взяты из сборника «Дорога-ми ветвей». Сухум, издательство «Алашара», 1980 г.

С. 170. Часы. Популярная в Абхазии детская песенка. На музыку эти стихи переложил композитор Валерий Чкадуа.

С. 176. Соловей и роза. Во время учебы в Литературном институте я увлекся грузинской поэзией. Этому способствова-

ло то, что кроме семинара по переводу абхазской литературы, я время от времени посещал и грузинский семинар, который вела А. Беставашили.

К процессу работы над текстом оригинала этого стихотворения я привлекал маму – Нину Ясоновну Чачхалиа. Она помогала мне своим вполне приличным знанием грузинского языка.

С. 182. Рица. См. примечание к стр. 41.

С. 186. Апхярцá. Род абхазской двухструнной виолы.

С. 195. Эпитафия. Кура – река, на берегах которой расположена современная столица Грузии – Тбилиси. Мете’хи – храм XIV в. на обрывистом берегу. Памятник православной культуры.

С. 198. Шандал – многорожковый подсвечник (устар.)

СОДЕРЖАНИЕ

Фазиль Искандер. О переводах Д. Чачхалиа	3
Светлана Соложенкина. Переводческий мир Д. Чачхалиа	5

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АБХАЗСКИХ ПОЭТОВ

Дмитрий Гулиа

«Итак, моя книга...»	12
«Мне говорили в детстве часто...»	13
Родина	14
«В море, ненадолго притихшем...»	15

Омар Бейгуа

Апсны! Апсны!	16
Зов Абрскила	19

Иуа Когониа

«Ну что ж, моя книга, лети...»	22
Былое отчизны	23
Абхазам	24
Абхазия	25
Поднимайся, брат!	26
Собрату	27
«Весь сад испортит яблоня гнилая...»	28
Бесполезный год	29

Михаил Лакербай

Дмитрию Гулиа	33
Ласточка	35
Тюрьма	36

Баграт Шинкуба

«Ты помнишь – входили мы в кущи...»	38
Не спрашивай	39
Партизан.....	40
Поэта песнь не расстрелять	43
«Какой из дней отметить лучшей меткой?...»	45
«Этот час неминучий настанет...»	46
Райда-гуща.....	47

Киршал Чачхалиа

«Слова любви не знают увяданья...»	49
«Опять, опять прикован я к постели...»	50

Анатолий Аджинджал

«В этот город порой наплывают туманы...»	51
«Невод тугой раскинули тучи...».....	52
«Ночь осторожно подкралась, как тень конокрада...»	53
«Солнце приближалось медленно с востока...»	54
«Было пасмурно, но небо отворилось...»	55

Николай Квициния

«Я не прочь что ни день...».....	56
«Верил я, что покорю Ерцах...»	58
Боль земли	59

Мушни Микая

«Стала темень светлей...»	64
Абхазия	66
«Мне снится детство, лишь глаза смежу...»	68
«Ливень дробью осыпает крышу...»	69
Моя звезда	70

Мушни Ласуриа

«Я поднялся на Мтацминду...»	72
------------------------------------	----

Микаэль Чикатуев

На свадьбе	73
------------------	----

Борис Гургулиа

Родной язык	75
Самшит	77

Таиф Аджба

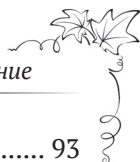
Наставленье Абраскилу	79
Свет далекой звезды	81
Родник	83
«Гитара плачет...»	85

Рауль Ласуриа

«В краю...»	86
В жару	88

Рушбей Смыр

Завтрашний день	90
Обновленье	91

Апсны	93
«Ливня летнего мотивы...»	95
Геннадий Аламиа	
День моего рожденья	96
Голубое.....	98
«Издалека...»	99
Звезды-слезы	101
«В черноте ночи...»	102
«Среди зимы...»	103
«Осень...»	104
«Нет человека...»	105
«Она идет...»	106
«К чему...»	107
Ночь	109
Рассвет	110
«Мир не знает беды...»	111
Судьба	113
«Одни пожелают...»	115
«Я осенью ринусь...»	117
Зима в саду	119
Горы	121
Море обиды	123
Монастырь.....	125
Моя вина.....	128

Дорога.....	131
Ощущенье времени	133
«Лопнула почка...»	134
Не плачет берег	136
Мнение	137
Псху.....	138
Зеркала	141
Центр земли	143
Семя огня	149
«Мир чужедальный...»	151
«Отчизна...»	153
«Легла дорога...»	155
«В народе есть...»	157
Владимир Зантариа	
Белый сон	159
Спит мужчина	160
Вячеслав Читанаа	
Кусочек лета	162
Виктор Кокоскир	
«За полночь, но не гашу я свет...»	163
«Горы с младенчества душу тревожат мою...»	164
Этери Адлейба	
Слова.....	165
Леля Тванба	
Первая песня	167

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Терентий Чаниа

Часы 170

Георгий Зантариа

Малыш и топор 172

Иголка..... 174

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Николоз Бараташвили

Соловей и роза 176

Мерани 177

Мерани 179

Галактион Табидзе

Дмитрию Гулиа 181

Рица 182

Кодор 184

Апхярцá 186

Отар Чиладзе

«Ему помехой не были ни молния, ни гром...» 188

«Прощай. Доволен я. Благодарю...» 189

Комната 190

Комната 191

Из старой тетради..... 192

Синяя звезда	193
«Швырнули лодку в чернь песка...»	194
Виктор Габескирия	
Эпитафия.....	195
Воронье.....	196
Волк.....	197
Шандал	198

АИҢАГАҚӘА

ПЕРЕВОДЫ НА АБХАЗСКИЙ

АУРЫС ПОЕТЦӘА РҢЫНТӘ

Алықсандра Пушкин

«Сналагылон еипӳш Ижора...»	200
-----------------------------------	-----

Фидор Тиутчев

«Еиҥах бызбеит, еиҥах иҥыхеит...»	202
---	-----

Алықсандра Блок

«Икыдыз шәымза лашаза...»	203
---------------------------------	-----

«Бааит харантә амҥахәаста иатцәала...»	204
--	-----

Аскифцәа	205
----------------	-----

Сергеи Есенин

«Сгәырҥазом, сахытцәыуам...»	209
------------------------------------	-----

«Бҥыда иқәхаз сынча, цәаи сии идырчалаз...»	210
---	-----

«Аккара цәажәеит бҥырацәа бызшәала...»	211
--	-----

«Ҳқытағ дыҕамызт илеипҕшыз...».....	13
«Собыза гәакыа, бзиаала, унсыжыует...».....	214
Анна Ахматова	
Аблагуҕра хэынтқар.....	215
Марина Цветаева	
«Абри адунеиағ...».....	216
Илиа Сельвински	
Адрама «Кирилл–ду» аҕнытә.....	217

АЛЕИМС ПОЕТЦӘА РҰЫНТӘ

Иоган Гиоте	
Ажәеипшь.....	220
Фридрих Шиллер	
Аеҕәа рашәа.....	222
Хаинрих Хаине	
«Исылшом, сдыркареит гәгәала...».....	224

ЛИТОВТӘИ АПОЕТЦӘА РҰЫНТӘ

Антанас Дрилинг	
Апсцартақәа.....	226
Ионас Мачукиавичус	
«Цьаракыр бызцома, сара бымәаҕысымгар?...»	227
Игәырцшаагоу тагалан.....	228

Ионас Иакштас

«Кәаршафыла быблақәа бтәахыит...» 229

Оне Балиуконте

«Сразқы, кагы сымтан ус баша...» 230

ЗАМЕТКИ И РЕЦЕНЗИЯ

От перевода к оригиналу 232

Заметки из истории перевода грузинской лирики... 239

Принятые сокращения 284

Об авторе 285

Примечания 289

Денис Чачхалиа

ПОЭЗИЯ ОТРАЖЕНИЙ
На абхазском и русском языках

Редактор: *Лейла Пачулиа*
Составитель: *Мария Гицба*
Компьютерный набор: *Амина Квициния*
Верстка: *Наала Картозиа*
Дизайн: *Елена Чудина*

«АКВА-Абаза», ООО, Москва, ул. Кузнецкий мост, 21/5
Тел. +7 (495) 626-05-50.

По вопросам приобретения книги
В Москве +7 (495) 626-05-50; в Сухуме: +7 (940) 996-50-21
Спонсор издания: Кабинет министров Республики Абхазия

Подписано в печать 14. 06. 2019
Формат 70х108 1/32. Бумага глянцевая офсетная, 130 гр.
Гарнитура PT Serif. 9,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1443

ISBN 978-5-6043012-0-3

Отпечатано в ГУП РО «Рязанская областная типография»
390023, Г. Рязань, ул. Новая, 69/12

